

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2023»

Лучший
иронический
детектив

Литрес

Компот из **СЛАДКОЙ ЛЖИ** МАША ЛОВЫГИНА

Маша Ловыгина

Компот из сладкой лжи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68749254

SelfPub; 2023

Аннотация

Наденька Чарушина – молодой адвокат и счастливая невеста. Казалось бы, жизнь устроена и вполне благополучна. Но, как это часто бывает, события пошли не по прямой, а наперекосяк. Любимый изменил? Не верь глазам своим! Обвиняется в преступлении? Докопайся до истины! Кто-то говорит, что ты достойна лучшего? Но разве настоящая любовь продается? Придется распутывать этот клубок проблем... Ты умная женщина, Надя, ты справишься!

Содержание

2	17
3	26
4	36
5	48
6	60
7	74
8	83
9	92
10	103
11	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Маша Ловыгина

Компот из сладкой лжи

1

Все начиналось как в плохом кино:

Другая с ним!

Ты злишься, плачешь, но...

– Пальму первенства по строгости наказания за супружескую измену держит Республика Папуа – Новая Гвинея. Например, в округе Маданг, где действуют древние папуасские законы, обманутым мужьям не только разрешено, но и предписано обезглавливать любовников своих жен. Жен при этом не убивают, но перед казнью осужденный должен съесть палец своей любовницы... – Надя поежилась, аккуратно закрыла крышку ноутбука и подошла к окну. – Господи, ужас какой... Обезглавить, съесть палец... Воистину – да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире...

Она отмахнулась от назойливого комара и закрыла форточку на шпингалет.

Быстро темнело. Шел дождь – еще летний, августовский, но уже настойчиво напоминающий о промозглой осени и неминуемой грязи, которая продержится до конца ноября, а то и до Нового года, пока окончательно не сцепится ночными

морозами и не покроется снегом. Но белое покрывало обманчиво в своей невинной чистоте. Под ним, как известно, все та же грязь, и стоит солнцу войти в силу, как она вновь вылезет на поверхность...

Надя коротко вздохнула и задернула занавеску. Черт ее попутал приехать на дачу посреди недели. Вокруг тишина, даже собак не слышно. Нарушают это оцепенение только гулкие удары дождя по крыше и жалобные стоны половиц под ногами.

Надо ехать. Не доросла она еще до этих одиноких вечеров, не созрела. Продать, что ли, дачу? Нет, жалко. Дом еще крепкий, обжитой, и лес замечательный, река в километре от поселка. И до города совсем недалеко. Просто настроение вдруг стало зависеть от погоды. Что это – надвигающаяся старость? Или врожденная глупость вкупе с метеозависимостью?

– Разочарование в профессии, – сказала Надя и погрызла ноготь. – И в любви...

Осознавать это было очень больно. Она понимала, что не пропадет. Дача вот есть, и родительская квартира в городе, в которую она переедет от своего жениха, Ржевского. Автомобиль – его подарок, тоже, наверное, останется у нее. Павел всегда был порядочным человеком в плане имущества, но оказался редкостной сволочью в смысле верности. Надя могла бы догадаться об этом еще тогда, когда они только начали встречаться, но кружева из слов и поступков, которы-

ми Ржевский украсил ее жизнь, были удивительно нежны и необходимы ей как воздух.

Он появился в ее жизни, чтобы свести с ума. Это была любовь с первого взгляда, но не до последнего вздоха, как оказалось.

Тридцатилетний харизматичный мужчина, владелец рекламного агентства, нравился всем, особенно женской части, но Надя воспринимала это как должное и не попрекала его. Брала пример с матери, которая всю жизнь была тенью своего мужа. Полгода назад отец умер от инфаркта прямо на своем рабочем месте. В конторе он оставался один, потому что частенько задерживался, чтобы поработать в тишине, и когда его спохватились, было уже поздно...

Они с Ржевским вернулись тогда из первой совместной поездки в Италию к похоронам вместо того, чтобы объявить о своей помолвке. Как-то навалилось все сразу, а теперь вообще рассыпалось на мелкие осколки...

Ей двадцать пять. У нее нет детей и серьезных материальных проблем. Самое время начинать новую жизнь.

Ее мать, Ольга Аркадьевна, приобрела симпатичный домик под Ялтой, чтобы разводить розы и георгины, как и планировала еще при жизни с мужем. Находиться одной в их большой квартире она не хотела, да и Надя настаивала на том, чтобы мать сменила обстановку. В конце концов, лучше возвращаться в прошлое, когда ты пропитан солнцем и про-солен морской водой. За родительницу она не переживала, а

у нее до этого момента был Ржевский.

Еще совсем недавно они с Павлом провожали Ольгу Аркадьевну к морю. На вокзале царила извечная суматоха. Вещи уже были уложены в удобное СВ, проводнику были даны четкие указания окружить пассажирку вниманием. Ольгу Аркадьевну должны были встретить по приезду и доставить к воротам ее новой дачной резиденции. Надя льнула к своему жениху, полная уверенности в том, что обрела настоящую бетонную стену в его лице. За пять минут до отправления Ржевский вдруг предложил ей слетать в Ялту на Новый год, а потом задержаться там на все праздничные дни. Конечно, для этого ему придется много и плотно работать, но ведь рождественские праздники – это лучшее, что создано для семьи. Надя моментально нарисовала в голове чудесные вечера у камина (да-да, в этом домике был камин!), прогулки вдоль кромки остывающего моря, теплые вязанные шарфы и свитера, и жаркие ночи под тихий шепот прибоя...

Надя с матерью не поехала даже на неделю, хоть Павел и уговаривал ее, потому что не видеть Ржевского – красивого, уверенного в себе синеглазого брюнета, было выше ее сил.

– Только вместе! – заявила она. – Везде и навсегда!

Что ж, мечты сбываются тогда, когда сами посчитают это нужным...

Все эти дни на даче в Кукушкино Надя думала о том, не поторопилась ли она. Как сказать матери о том, что произошло? Для нее это станет очередным ударом. Как и заявление

об уходе из коллегии адвокатов, которое она в сердцах положила перед другом отца – старейшим адвокатом дядей Томом. В своем уютном кабинете он влил в нее полграфина воды и напичкал валерьянкой, а затем уговорил взять небольшой отпуск, чтобы подумать и отдохнуть.

Следовало бы заменить две первых буквы в слове отдохнуть на одну С, и тогда фраза получила бы иное звучание, которое как раз и определяло ее нынешнее состояние – сдохнуть. Хотелось сдохнуть...

Она не могла себе представить, как будет жить без Ржевского, без работы и без планов. Планы, разумеется, можно было придумать, но вот истребить с их помощью душевное смятение теперь вряд ли получится. Если бы отец был жив, он бы вставил ей по пятое число и разложил бы по полочкам ждущие ее перспективы. Чарушин был нежным отцом и хотел, чтобы его милая славная девочка была защищена и благополучна.

Надя грустно усмехнулась. Знал бы ее отец, сколько любовниц было у его будущего родственника! А может, знал? Сама-то Надя, конечно, их не видела и не считала. Откуда она могла знать, как долго и часто Ржевский менял свои «перчатки». До того самого случая она не заставляла его в пикантных ситуациях, о которых рассказывают в анекдотах...

Получается, Ржевский умело водил ее за нос, а она позволяла ему это делать. Верила ему и не обращала должного внимания на ночные звонки и поздние возвращения.

Надя, в отличие от Ржевского, была домоседкой, а лето вообще предпочитала проводить на даче. Здесь ей особенно хорошо работалось, так что в город она приезжала отдохнувшей и наполненной живительной энергией, которую получала от окружающей ее природы.

Дела, которыми они занимались в конторе, касались в основном гражданских споров, имущественных претензий и алиментов, и это было неимоверно скучно. Отец Нади настоятельно рекомендовал ей осваивать именно эту нишу, искренне считая, что работа над уголовными преступлениями портит женскую сущность. И Надя очень старалась, чтобы он ею гордился, хотя втайне мечтала не только защищать, но и расследовать преступления...

Собственно, именно последнее бракоразводное дело и раскрыло ей глаза на отношения с Ржевским, а ведь она верила, что с ней такого никогда не произойдет. За то время, которое они были вместе, Павел приручил ее словно дикого котенка. Он считал, что она создана для тихой семейной жизни, и постоянно уговаривал бросить все и посвятить себя ему. Клятвы, которые он говорил, глядя прямо ей в глаза, стали лишь подтверждением ее счастливого неведения: «Чарушина, я твой навеки! Ты очаровала меня...»

Говорят, любовь живет три года. Да какая, собственно, разница, сколько лет она живет? Люди забывают добавить, что потом любовь может десятилетиями еще корчиться в конвульсиях. И чем сильнее было чувство, тем болезненнее

будут судороги...

– Скотина ты, Ржевский, и грязное чудовище. Как же я теперь без тебя? – Внешне Надя была совершенно спокойна, но изнутри ее просто разрывало от обиды и злости.

Ее вполне можно было назвать хорошенькой. По материнской линии в ее роду отметились польские евреи, а по непроверенным воспоминаниям отцовской бабушки – даже цыгане. От всего этого симбиоза Надин портрет представлял собой премилую шатенку с карими глазами, немного вздернутым носом, округлой фигуркой и умело скрываемой страстностью, что являлось неоспоримым доказательством прекрасного выбора, который Ржевский просто-напросто просрал, говоря околоюридическим языком.

Надя случайно увидела его с другой, когда приехала на встречу с клиенткой в торговый центр одного из микрорайонов-новостроек. Вообще-то она поступала так крайне редко. Просто у женщины на руках был больной ребенок-аутист, который не захотел оставаться с няней, а потребовал отвезти его в игровую комнату, где и сидел сейчас в углу, перебирая стопку детских рисунков и книг. Надя читала об особенностях таких детей, поэтому безо всяких сомнений поехала на другой конец города, чтобы обсудить в этом шумном месте стратегию грядущего развода. Муж клиентки хотел отделаться малой кровью. Жена – уставшая, нервная, с покрасневшими глазами дико боялась остаться с больным сыном в крайне скудном финансовом положении.

– Вы понимаете, нам нужно продолжать лечение. Врачи говорят, что занятия, иглотерапия, психологи и режим способны сдвинуть дело с мертвой точки. Сережа умный мальчик, он в состоянии обучаться, но проблемы с социализацией пока не решаются. Для этого нужны деньги, большие деньги. Муж говорит, что будет давать мне средства, но я не верю ему. Он постоянно что-то крутит за моей спиной, а ведь этот бизнес мы начинали вместе. Потом родился Сережа, и я... – клиентка забарабанила пальцами по столу. – Я чувствовала, что когда-нибудь он так и поступит с нами! Как будто только я виновата, что наш ребенок такой... Здесь, – клиентка положила перед Надей тоненький файл, – то, что я смогла найти за последние полгода. Он частенько оставлял компьютер включенным. И еще документы на рабочем столе... Ведь я для него пустое место. Знакомый детектив сделал несколько фотографий в ночном клубе, где он проводил время с какой-то девицей...

– Я все внимательно посмотрю. Однако ваше решение о лишении его родительских прав меня озадачило. Вы уверены, что хотите именно этого? Ответственность за ребенка ляжет только на ваши плечи. Вам придется самой...

– Знаете, наступает момент, когда понимаешь, что дальше ничего не будет. То есть я, конечно, осознаю, что мне будет очень тяжело, но больше не могу так жить. Я для него давно не жена... Не женщина, понимаете? У него куча каких-то баб, девок... мне приходится выпрашивать деньги на врачей,

на питание... Поэтому, да, буду как-то сама. – Клиентка дернулась и вдруг побледнела. – Боже мой, как вы думаете, может, мне не следовало так поступать? Я поторопилась?.. Но ведь жить так просто невыносимо...

– Я понимаю. – Надя слушала ее горькие откровения, но на душе ее было тепло и солнечно. Вечер накануне они с Ржевским провели в сладко-непристойном мороке кирпично-гранатового «Бароло»*, обожаемых ею молочных трюфелей и жаркой любви. Ее губы до сих пор несли на себе печать его поцелуев, и внизу живота было горячо от этих воспоминаний. Замотанная клиентка поняла бы ее, если бы у нее все было также хорошо, как у Нади с Ржевским. Но сейчас именно Надя должна была помочь ей получить что-то взамен утраченного счастья. И отступные должны были быть достаточными, чтобы заменить это вязкое гадкое ощущение нежеланности, если это вообще возможно.

Павел улетел в командировку, оставив Надю томиться в ожидании встречи, чтобы, вернувшись, вновь довести ее до иступления своими объятиями и поцелуями.

Надя отвела взгляд, чтобы клиентка не дай бог не заметила сквозившее в нем томление, и через прозрачное пластиковое ограждение, разрисованное героями мультфильмов, увидела... Ржевского.

Не узнать Павла было невозможно – он был в небесно-голубом костюме из тончайшей шерсти, который она уговорила его купить во время их первого путешествия в Милан, и

который Надя собственноручно упаковала в кофр, собирая жениха в командировку. К нему они приобрели еще и запонки со вставками из синего муранского стекла. Гулять так гулять! – заявила тогда Надя.

Рядом с Павлом была молодая, хорошо одетая женщина с длинными светлыми волосами и полными губами, которые ярко выделялись на ее тонком лице. Она держала Ржевского под руку и что-то говорила ему, а он, склонившись, слушал, поглаживая длинные ухоженные пальцы, обхватившие его за локоть.

Надю ослепило и пронзило насквозь, будто шаровой молнией.

– ...хотела бы уничтожить его! – донеслось до нее сквозь оглушающий шум закипевшей крови в ушах.

– Уничтожить... – прошептала Надя и перевела на клиентку взгляд, вдруг ставший болезненным, как у побитой собаки.

Клиентка осеклась, а затем посмотрела на своего сына, который, наверное, уже в десятый раз перекладывал книги и рисунки из одной стопки в другую, не обращая внимания на играющих вокруг детей.

– Вы справитесь? – осторожно спросила она Надю. – У вас достаточно для этого возможностей?

«У меня, может, и нет, а у дяди Тома – да...» – вяло подумала Надя, а затем все же заставила себя произнести подчеркнуто деловым тоном:

– Бумаги будут готовы до судебного заседания и приме-

нены на слушании, если мы не сможем договориться. Я пришло вам копии, – она вновь обернулась, ища глазами Павла.

Нарисованные на ограждении Винни-Пух и Пятачок радостно глазели на розовый воздушный шарик, и только ослик Иа смотрел на нее и вздыхал, будто сопереживая.

– Будем на связи, – торопливо проговорила Надя, складывая бумаги в кожаный портфель. – Мне пора.

– Хорошо, – кивнула клиентка и смиренно сложила руки перед собой.

– Может, купить вам воду или кофе? – Сейчас Наде хотелось разрыдаться и ударить по столу, чтобы тот подскочил, но вокруг были дети, которых нельзя было пугать.

– Нет-нет, что вы. У меня все с собой. Пусть Сережа еще немного поиграет. Знаете, это просто чудо, что он решил пойти сегодня в игровую, а вы согласились приехать. Ему нужно привыкать к людям. Так что сегодня наша маленькая победа! Можно сказать, прорыв.

– Да, прорыв... – Надя судорожно перевела дыхание, подумав о том же, но совсем в ином ключе. – Тогда до встречи.

Она быстро вышла из игровой и огляделась в поисках Ржевского с его визави, но их нигде не было. Сердце ее сужилось в кровотокающий комок и невыносимо саднило. Конечно, Ржевский мог точно так же, как и она, встречаться с кем-то по работе, если бы не должен был находиться в трехдневной командировке за несколько сотен километров отсюда.

Они могли бы прожить прекрасную долгую жизнь, родить красивых детей и стать друг другу опорой. Во всяком случае Ржевский именно так и представлял их будущее, говоря о нем. Но при этом вероятно считал, что все это сможет спокойно сосуществовать с его похождениями. Как она могла не замечать, что натура его требовала преклонения и попустительства в мужских шалостях? Надя старалась быть его тылом, всепрощающей и любящей, но что позволено Юпитеру...

Она бредила им, обожествляла, так какого хрена не хватало ее синеглазому богу?

... – Все, хватит! Сезон закрыт и отпуск не удался, – Надя огляделась и подняла сумку, в которую сложила бумаги, ноутбук и вещи. Пора было возвращаться в их квартиру-студию – уютное, почти семейное гнездышко с панорамными окнами и огромной кроватью, где они с Ржевским планировали зачать их будущего ребенка.

Три дня прошли, он должен был вернуться через несколько часов, поэтому ей следовало успеть собраться до его появления. Она решила, что не позволит ему увидеть, что больна, опустошена и разбита его предательством.

Да, ей не потребуется адвокат для развода – ведь она не успела выйти замуж за Ржевского. Дядя Том прав – она хорошая и умная девочка, которая занимается правильным делом. Долой сантименты, да здравствует работа...

Накинув капюшон, Надя выключила свет и вышла на

крыльцо. Склонив голову под дождевыми струями, побежала к машине. Положив вещи на заднее сидение, захлопнула дверь и тут же услышала где-то вдалеке короткий отчаянный вскрик, от звука которого у нее дрожь пробежала по всему телу.

Надя замерла и прислушалась, но крик больше не повторился. Эхо донесло его то ли со стороны реки, то ли леса. Мотнув головой, отчего по вискам тут же потекли холодные струйки, Чарушина подумала, что вполне вероятно кричала какая-нибудь птица. Неясыть или сова. Или это одно и то же?..

Надя вытерла мокрое лицо и посмотрела в сторону едва заметного серого просвета между деревьями. Ей вдруг стало нехорошо, муторно и страшно. В довесок ко всему на краю поселка вдруг тоскливо завывла собака.

– Чур меня, – прошептала Надя и села за руль. Выезжая за ворота, она погладила колени, ощущая, как внутри продолжает расти неясная тревога. Птичий крик застрял у нее в ушах, потому что был очень похож на женский...

Бароло* – вино, производимое на севере Италии.

2

Глава вторая: слезы на глазах...

Но знаешь, детка, правда в тормозах!

Она не успела пересечь железнодорожный переезд и теперь ждала, наблюдая за красными бликами от фонаря на мокром стекле, когда наконец покажется поезд. Ее автомобиль был на переезде один, но даже находясь в теплом, защищенном от дождя салоне, Надя Чарушина не чувствовала себя комфортно. Ей казалось, что все то, что она думала о себе и об отношениях с Ржевским было неправдой. Как будто она долгое время принимала маргарин за сливочное масло и убеждала в этом остальных. И все эти остальные люди посмеивались над ней, а во главе этой толпы стоял ее будущий муж, который щедро потчевал ее отвратительным маслорезанителем.

Ржевский не позвонил ей ни вечером того дня, ни после. Да, была одна смс-ка с сообщением, что он добрался и у него все хорошо. И еще, что он бесконечно любит ее.

«Ложь! Кругом одна ложь!»

Шлагбаум поднялся, и Наде пришлось сделать над собой усилие, чтобы отправиться дальше. Может и с работой дела обстояли так же, думала она. Если бы не отец с его связями, работала бы она сейчас в коллегии адвокатов? Неужели даже

добрый дядюшка Том держит ее под своим крылом только в память о старом друге? Даже если так, она ни разу еще не подвела его. Хорошо, что хватило ума не рассказывать о настоящей причине ее заявления об уходе с работы. На самом деле это всего лишь блажь, женские нервы, гормоны, а не рассуждения здорового человека. Она не первая и не последняя, кому изменяют. Но как же это гадко! Гадко! Гадко!

Музыка, игравшая в салоне, словно вторила ее состоянию. Прибавив громкости, Надя расплакалась от жалости к себе и стала подпевать Селин Дион. Дождь не прекращался и казалось, что ее маленький аккуратный «фордик», будто «Титаник», вот-вот должен был пойти ко дну вместе с хозяйкой и ее мечтами о светлом будущем.

На самой высокой и трагичной ноте Надя всхлипнула и потянулась за очередной бумажной салфеткой. В этот момент фары выхватили темную фигуру на дороге, и через мгновение произошел удар. Нервы ее были совершенно оголены, и удар этот показался ей настолько сильным, что перед глазами тут же возникла картинка мятого переднего бампера в сгустках и потеках человеческой крови.

Визг тормозов на сырой дороге добавил ужаса. Задыхаясь от охватившей ее паники, Надя вцепилась в руль. Плохо соображая, куда направляет машину, она все-таки не дала ей улететь в кювет. Навалившись грудью на рулевое колесо, Чарушина уставилась в вечерний полумрак за окном и просидела так непонятно сколько времени, не в силах сделать ни

одного движения.

«Убила!» – набатом колотилось в ее голове.

Она закашлялась и с трудом проглотила вязкий комок в горле. Тело ее вдруг стало неповоротливым, чужим и вялым. Ноги и руки отяжелели и затряслись еще сильнее. Все, о чем Надя думала до этого, все ее переживания и боль в один момент исчезли, оставив только этот первобытный страх смерти, переступить который было далеко не каждому по силам.

Вот и Надя Чарушина сейчас не могла думать ни о чем, кроме как о том, что стала невольной убийцей. Она – правильная девочка из интеллигентной семьи, умная и целеустремленная...

– Господи, спаси и сохрани... – прошептала девушка побелевшими губами и нажала на ручку двери.

Дождевые капли тут же смешались со слезами, бежавшими по ее бледным щекам. Надя попыталась разглядеть то, что находилось позади машины, но никак не могла сфокусировать взгляд. Она зажмурилась и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы прийти в себя. Помогло не очень, но хотя бы дало возможность сосредоточиться на собственных движениях. Шаг за шагом, Надя преодолела пару метров и остановилась позади машины.

– Эй!.. – едва слышно выдавила она из себя и слизала с губ дождевые капли.

Густые кусты шевелились от ветра, мигающие огни аварийки не давали нужного количества света. Под ногами шур-

шал мелкий гравий. Надя присела на краю дороги и, вытянув руки, зачем-то стала шарить перед собой. Но пальцы натыкались лишь на высокую траву, которую она обрывала в каком-то нервном полукоматозном состоянии.

В ушах стоял гул, перед глазами плыло. Надя потерла лицо терпко пахнущими придорожной зеленью руками и зажмурилась, пораженная нахлынувшими не к месту воспоминаниями...

— У вас такой необычный одеколон, Павел! Почему-то сразу подумалось о дачном огороде... Не знаю, как объяснить...

Ржевский крепко сжал ее руку и улыбнулся. В глазах сверкнули хитрые огоньки.

— В парфюмерии подобные ароматы называются "гринери", — пояснил он.

— Да?! Я ведь не обидела вас подобным сравнением? — ей стало не по себе от мысли, что она может показаться глупенькой, и что после их первого настоящего свидания больше встреч не будет. Она впилась глазами в его лицо, чтобы не пропустить первую реакцию.

У Ржевского была роскошная заразительная улыбка, от которой у самой Нади щекотало губы; красивая фигура и смуглая кожа, к которой хотелось прикасаться. Непривычная, удлиненная стрижка делала Ржевского похожим на сказочного принца, но Надя видела, что в его глазах таится совсем другое — порочное, жаркое и неумное... И то жела-

ние, которое она ловила в его ответном взгляде, отдавалось в ее теле призывной волной, будто они с Павлом были двумя магнитами.

— Наденька, разве вы можете хоть кого-то обидеть? Вы — само совершенство, — сказал он тогда своим бархатным голосом, и Надя еле сдержалась, чтобы не взвыть как мулътяшный волк. — Основная нота этого одеколона — аромат скошенного газона, — продолжил Ржевский. — Чуть кислотовый, поначалу немного резкий, но уже через мгновение дарящий необыкновенную свежесть. Знаете, когда я был студентом... А я был нищим студентом, — уточнил Ржевский и на секунду задумался. — В общем, я мечтал о красивых вещах, которыми окружу себя, когда...

— Когда вырасту... — тихо продолжила за него Надя, подумав о собственных мечтах.

Они шли по набережной. Был январь, и в морозном воздухе травянистый запах звучал особенно отчетливо.

— Я вырос, как вы видите, но вот этот аромат — он самый первый, понимаете? Да, он недорогой, но для меня его покупка стала целой историей. Как-нибудь расскажу вам об этом. И теперь, когда что-то происходит в моей жизни впервые, или когда я принимаю для себя особенно важное решение, то пользуюсь им как талисманом.

— Получается, что сегодня... — Надя зарделась, оглушенная приятной догадкой.

— Да, сегодня для меня особенный день, Наденька. Вы со-

гласились прийти на свидание, и я надеюсь, что эта встреча не будет последней. Я готов выполнить любое ваше желание, только пообещайте, что никогда не бросите меня! Знаете, я тут подумал, а не слетать ли нам в Италию? В горы. Есть очень милый отельчик, где тихо, и вкусно кормят. Вы были в Италии? Нигде нет такого ласкового солнца.

Надя замерла, пораженная его словами. Ржевский смотрел на нее сверху вниз, и она, вдруг заметив в уголках его глаз тоненькие лучики смешилых морщинок, растерянно спросила:

– Вы смеетесь надо мной?..

Ржевский отрицательно покачал головой, а затем сказал:

– Знаете, как называется мой одеколон? – он склонился к ее лицу. Его дыхание легким перышком пробежалось по ее коже, отчего Наде вдруг стало невыносимо жарко.

– Как? – она облизала губы и покраснела под его соблазняющим взглядом.

– «Truth»*.

– О, правда? – Надя недоверчиво вскинула брови.

– Абсолютная..."

От мокрой травы саднило ладони.

«Господи, о чем я думаю!» – пронеслось в голове.

Ливень перешел в обильную морось. Надя промокла до нижнего белья и теперь стучала зубами от нервного озноба и

холода. Она медленно брела вдоль заросшего кустами кювета все дальше от автомобиля и прислушивалась в надежде не пропустить стон или, хотя бы, дыхание сбитого пешехода. Но кроме шумящей листвы и поскрипываний деревьев, которые росли прямо за кустами, других звуков не было. Воспоминания покинули ее, и Наде стало совсем страшно и одиноко.

– Эй! – повторила она, обхватив себя за плечи. – Пожалуйста, дайте мне какой-нибудь знак! Боже мой... Почему вы молчите?! Вы... вы умерли?!

Надя всхлипнула. Крупная дрожь прошла ее тело с головы до ног.

«Хотела бросить работу? После того что ты натворила, тебя вообще больше никуда не возьмут! Еще и в тюрьму посадят... Сколько там было на спидометре?! А камеры? Вдруг здесь есть камеры?!» – Воображение рисовало одну картину ужаснее другой.

– Ой, мамочки... – Надя застонала и в бессилии огляделась.

Затем, истерично подвывая и скуля, полезла в кювет, моментально набрав полные кроссовки воды. Мокрые ветки хлестали ее по лицу, когда она шарил в потемках под кустами, попутно пытаясь вспомнить, сколько метров проехала после удара. Окончательно одурев от «радужных» перспектив, Надя, цепляясь за мокрую траву, вылезла обратно на дорогу.

С трудом переставляя ноги, она вернулась к машине и

достала из сумки телефон. Пальцы не слушались, связь была плохая, и когда в трубке прозвучал гудок, она замерла в неудобной позе, чтобы не потерять его.

– Дядя То... ой, Томас Георгиевич! Это я, Надя! – она вытерла глаза рукавом. – У меня такое случилось... Что? Нет, я за городом... В Кукушкино... То есть я стою на дороге одна, и дождь еще... Нет, что вы! Абсолютно трезвая... Я, – Надя перевела дыхание, пытаясь сообразить, как сказать о том, что с ней произошло. Не придумав ничего лучшего, тоненько проблеяла: – Я, кажется, человека сбила!.. Томас Георгиевич, что мне дела-а-ать? – и зашлась в рыданиях.

Разумеется, она прекрасно знала, что нужно делать в таких случаях. Но когда ты консультируешь или готовишь дело для суда, выстраивая защиту и ставя интересы своего клиента превыше собственных рассуждений и принципов, меньше всего думаешь, что подобное может случиться с тобой. И если касательно своего подзащитного Надя со всей страстью бы вещала о состоянии аффекта от измены и о тяжелом моральном состоянии, то к себе подобного применить не получалось. В конце концов после встречи в торговом центре прошло почти три дня, и все это время Надя с перерывами на еду, сон и слезы занималась подготовкой документов по делу, которое вела. Она написала проникновенную речь, способную разжалобить самое жестокое сердце, и готовилась вырвать зубами полагающуюся сумму для несчастной клиентки и ее сына.

Но сокрытие доходов – это не дорожное происшествие, где пострадал человек... А если он умер? Бремя убийцы теперь будет преследовать ее всю жизнь, и ничего страшнее этого Чарушина не могла себе представить.

– Хорошо, Томас Георгиевич! Я останусь здесь, – обреченно произнесла Надя. – Кого пришлете? Капитана Кораблева? О... – она была близка к обмороку. – Да, конечно, я никуда не уеду... Куда я теперь?..

Truth* – правда (англ.яз.) "Truth" – туалетная вода.

3

*Твой дядя самых честных правил,
В его копилке связи, такт.
Проблем не будет. Все исправит
Любимый дядя – адвокат...*

Скукожившись на водительском кресле и зажмурившись, Надя молилась, чтобы никто не проехал мимо и не остановился рядом. Но дорога была пустынной. Пенсионеры, проводившие время на своих фазендах, возвращались засветло или оставались ночевать на дачах. С одной стороны, это радовало, а с другой – сидеть в крошечной темноте, когда аварийные огни выхватывают непонятные тени, было до чертиков жутко.

Приближение чужой машины она почувствовала сквозь нервно подергивающиеся веки. Вздвогнув, разлепила глаза, но не смогла даже пошевелиться, застыв в одной позе. Автомобиль остановился, из него вышел человек. От вида темной фигуры в снопе яркого света Надю замутило.

Когда он постучал в окошко, она дернулась и переместилась одеревеневшее тело, заскрипев всеми известными науке костями и суставами. Затем опустила стекло.

– Гражданка Чарушина? – словно издалека донесся до нее мужской голос.

Надя испуганно вздрогнула от сухого официального вопроса и мелко затрясла головой.

– Вы как сами? Травмы, ушибы есть? – голос стал заметно мягче.

– Нет. Я даже не поняла, как это произошло... – давясь вязкой слюной, сипло произнесла Надя.

Незнакомец обошел ее «форд» и подергал пассажирскую дверь. Наде пришлось развернуться, чтобы открыть ее. Кровь быстрее побежала по венам, ударила в голову, и Надя едва не упала на сидение в тот момент, когда мужчина готов был залезть внутрь.

– Ну-ну, аккуратнее, – он обхватил ее за плечи, чтобы удержать на весу. – Рассказывайте, что и как.

– А вы... – Надя потеряла глаза, разглядывая молодого парня в темной болоньевой ветровке и светлой водолазке. У него была приятная белозубая улыбка и короткий ежик рыжих волос.

– Меня зовут Денис Кораблев. Томас Георгиевич должен был вам сказать обо мне.

– Денис Кораблев? Это что, шутка?

– Да какие шутки? – нахмурился он. – Вы о чем?

– Извините, – прошелестела Надя и торопливо продолжила: – В общем, я ехала из Кукушкино.

– Во сколько вы выехали?

– Около половины девятого. Скоро должен вернуться мой... муж из командировки, и я хотела...

– Понятно, – Кораблев сверился с наручными часами. – Томасу Георгиевичу вы позвонили полчаса назад. Дорога до города у меня заняла двадцать минут. От Кукушкина вы ехали еще минут десять.

– Я на переезде стояла, – шмыгнула носом Надя.

– Понятно, – снова повторил он. – Где произошел наезд? Надя подняла руку и указала за спину. Кораблев проследил за ее движением.

– А тело? – спросил он.

Надя сглотнула и растерянно пожала плечами.

– Не понял? – молодой человек склонился, чтобы поймать ее бегущий взгляд.

– Я его не нашла, – прошептала она и закусил дрожавшую нижнюю губу.

– А вы, судя по всему, искали, – подытожил Кораблев, разглядывая испачканную в грязи и листьях Надину одежду.

– Конечно искала. Но вокруг так темно, что я ничего не смогла разглядеть. Наверное, от удара его отбросило дальше... – представив эту картину, Надя закатила глаза и откинулась на спинку кресла.

– Тихо, тихо. Держите себя в руках, – посоветовал Кораблев. – Сейчас я вернусь.

Он дошел до своей машины и выудил что-то из недр багажника.

Уже через минуту Надя поняла, что это был большой фонарь, свет от которого моментально выхватил довольно боль-

шой участок дороги. Кораблев шел медленно, освещая дорожное покрытие, а потом присел на корточки. Надя поняла это, когда сместилась его тень. Вероятно, он нашел то самое место, где Надя ударила незадачливого пешехода, и машина, вильнув, покатила на тормозах.

Кораблев скрылся в зарослях. Надино сердце заколотилось с удвоенной силой в ожидании развязки. Она не сомневалась, что капитан найдет труп, и совсем скоро ей придется держать ответ перед ним, перед общественностью, и перед Богом... Получается, что Ржевский со всеми его похождениями и предательствами не идет ни в какое сравнение со своей невестой, Наденькой Чарушиной, совершившей жуткое, хоть и не предумышленное, преступление...

– Вы там не заснули? – через несколько минут Кораблев втиснулся в салон, и вместе с ним внутрь хлынула влажная вечерняя прохлада.

– Да какое там... – Надя подняла на него зудящие от слез глаза. – Все, да?.. Насмерть? Господи...

Капитан внимательно посмотрел на нее, а потом вдруг поманил пальцем.

– Что? – Надя напряженно придвинулась к нему.

Кораблев втянул носом воздух около ее лица, и Чарушина отшатнулась.

– Вы что же, думаете, что я пьяная села за руль? – округлила она глаза.

– Таблетки, травка? – прищурился он.

– Да что вы себе позволяете?.. – набычилась Надя. – Нет, ничего такого. Вы можете спросить дядю... то есть, Томаса Георгиевича, что я никогда... Что ваше предположение – это...

– Дядю я спрошу, – Кораблев и задумчиво поскреб под бородок.

– Не говорите ему, пожалуйста, что я так фамильярно... Вырвалось, – вспыхнула Надя. – Он добрый, как... Строгий, но добрый, да... Мы его так за глаза называем в коллегии.

– А я по-родственному, – качнул головой Кораблев. – Итак, Надежда...

– Николаевна, – пискнула Чарушина.

– Надежда Николаевна, должен вам сказать, что никакого трупа я не нашел. Следов крови тоже.

– Но как же... Я ведь точно видела фигуру!

– Может, лось? Или кабан? – вздохнул капитан.

– По-вашему, я кабана от человека не в состоянии отличить? – вскинулась Надя. – Идемте! – она первая выскочила из машины и обошла ее, приблизившись к бамперу. – Посветите мне! – с трудом запихивая руки в слипшиеся карманы, приказала она.

Яркий свет на мгновение ослепил ее. Кораблев перехватил фонарь в другую руку и, нажав на рычажок, убавил яркость. Они склонились над капотом, а через минуту их взгляды пересеклись – Надин, торжествующий, и, скептический, капитана.

– Вот видите? Смазано! – воскликнула Надя.

– Да что смазано-то? Грязь, разводы... Вмятин, вроде, нет... – пригляделся Кораблев. – Хотя, если бы это был кабан или лось, вас бы снесло к чертям собачьим.

– Крови на бампере я не вижу, – поежилась Надя.

– И слава Богу! – сказал капитан.

– Так что же теперь...

– Что?..

– Что же мне теперь делать?

Кораблев накинул капюшон и потоптался на месте.

– Вы мне не верите?! – искренне возмутилась Надя.

– Я верю своим глазам. Может вы хотите, чтобы я сюда ГАИ вызвал? Или полицию? Они оцепят участок и будут искать труп. – Кораблев широко зевнул. – Пока не найдут.

Надя ойкнула и побледнела.

– Ну не знаю я! – всплеснул руками капитан. – Вы же видели, я тут все облазил! – он хлопнул себя по насквозь мокрым джинсам. – Ушел, наверное, ваш лось.

– У-ушел? Куда?

– По своим делам, вероятно. Нет тела, нет дела, Надежда Николаевна. Давайте посмотрим на произошедшее, хм, трезвым взглядом.

– Давайте...

– Я вполне допускаю, что могло что-то произойти... Возможно даже столкновение, но с кем или с чем, это, извините, я определить не в состоянии. Ну смотрите – темно, дождь,

вы устали. Вон глаза какие красные! Прикорнули за рулем, бывает. Скажите спасибо, что сами не разбились. Так что давайте-ка поедem домой. Вы отдохнете, встретите мужа, – Кораблев кашлянул. – А утром, пораньше, я приеду сюда и еще раз все осмотрю, чтобы вам было спокойно. Вы доедете сами?

– Я? – Надя оторопело похлопала глазами. – Наверное...

– Поезжайте вперед, а я за вами. Провожу до самого дома.

– Хорошо, – она бросила взгляд на дорогу. – Может, мне действительно привиделось? – прошептала она, нахмурившись.

– Может.

– Я немного отвлеклась на личные проблемы, задумалась...

Кораблев выключил фонарь.

– Понятное дело. Личное – штука сложная.

Пробормотав: «божемойкакиеглупости», Надя направилась к водительской двери:

– Поехали, товарищ капитан. Я действительно очень устала. А мне ведь еще надо... – она подумала, что у нее осталось мало времени, чтобы собрать свои вещи и демонстративно хлопнуть дверью перед носом Ржевского.

– Отлично! – Кораблев потер замерзшие ладони. – Тогда я звоню дяде Тому и говорю, что все нормально.

– Но как же нормально? – вновь воскликнула Наденька. – А вдруг...

— А вдруг бывает только... — капитан хмыкнул и потопал к своей машине. — Может вам все-таки померещилось, Надежда Николаевна? — оглянулся он.

«Померещилось? — пронеслось в голове у Нади. — Но я же отчетливо слышала звук удара...»

Она села за руль. Пока ехала, наблюдала за едущим следом автомобилем. Даже на расстоянии присутствие Кораблева немного успокаивало. Нормальный парень, судя по всему. Сколько ему лет? Если капитан, значит, поднимается по карьерной лестнице и хорошо себя чувствует на своем месте. Ну и, конечно, когда дядя Том твой друг, а тем более родственник, считай, что тебе очень повезло по жизни.

Перед поворотом к дому Надя посигналила Кораблеву, давая понять, что приехала. Вот уже целую неделю ворота стояли открытыми из-за поломки электроники. Надя выяснила в управляющей компании, что в связи со сменой охранного агентства, будет меняться и кодовая система, а ворота начнут работать со дня на день. Она припарковалась на свободном месте неподалеку от автомобиля Ржевского, который дожидался своего хозяина, сверкая лакированными черными боками.

При мысли о Павле, Надя испытала укол в самое сердце. Она положила руки перед собой и уткнулась в них лбом, желая дать волю новому приступу самобичевания. Но в окно постучали, и Надя опять увидела Кораблева. Теперь, при свете уличных фонарей, она смогла лучше разглядеть его.

Простоватое, но симпатичное лицо, усыпанный веснушками нос и заметная лопухость в целом выглядели весьма располагающе.

– Я смотрю, вас опять накрыло? – без тени ехидства спросил капитан.

– Нет-нет, – вздохнула Надя, – просто...

– А нет ли у вас случайно водки?

Надя хмуро посмотрела на Кораблева.

– Случайно нет. Я же говорила, что не пила! Я вообще подобные напитки не употребляю. И уж тем более, за рулем.

– А надо бы. Теперь можно. И нужно. Вы вон промокли насквозь, губы синие.

Надя осмотрела себя в зеркало и пожала плечами. К чему ей теперь следить за своей внешностью? Вернее, для кого? Тот, кого она любила, променял ее на другую...

– Э, да вы совсем расклеились! – воскликнул Кораблев и потопал к своей машине. Через минуту он вернулся и сел рядом. В руке у него была бутылка. – Вожу с собой на всякий случай, – объяснил он, скручивая крышку.

– Чтобы женщин спаивать? – шарахнулась от него Надя.

– Скажете тоже! Стекла протереть или вместо омывайки залить. Зимой замок иногда замерзает, так тоже помогает... – пожал плечами Кораблев. – Вы хлебните. Только глоточек, чтобы поднять боевой дух. А потом домой идите.

– И вы, вероятно, увяжете за мной? Чай, кофе, все дела? Так сказать, в благодарность?

– Да что с вами? – удивленно приподнял брови капитан. – Дядя Том дал четкие указания на ваш счет, и вообще... – Кораблев выдохнул и отвернулся.

Упоминание о дяде Томе немного успокоило Надю. В конце концов этот Кораблев был прав. Боевой дух поднять не мешало бы. Она обхватила бутылку двумя руками и поднесла к губам. Сделав большой глоток, закашлялась и согнулась пополам, трясая головой.

– Ну как, хорошо пошла? – заботливо спросил Кораблев.

Надя замычала, на глазах ее выступили слезы, а щеки заалели.

– И сразу теплее стало, да? Не благодарите! – Кораблев похлопал ее по плечу и взялся за горлышко поллитровки, но Надя вцепилась в нее мертвой хваткой. Наконец Денису удалось забрать бутылку, расцепив ее пальцы. Он потряс ею перед Надиным носом и сказал на прощание: – До следующего раза оставляю, а то напьетесь еще. Идите домой, Надежда Николаевна, выпитесь хорошенько, ладно? Спокойной ночи!

Облизывая горящие губы, сквозь туман в глазах Надя смотрела, как уезжает автомобиль Кораблева. Затем на ватных ногах подошла к подъезду, доковыляла до лифта и поднялась в квартиру. Кое-как умывшись, она стянула одежду и, ничего не соображая, повалилась на кровать, где тут же уснула, завернувшись в покрывало и подложив под щеку махровый халат Ржевского.

Сквозь сон тянусь к тебе, мой милый,

Не чуя рук, спины и ног.

О боже, дай скорее силы!

Но встречу вдруг прервал звонок...

... Он прикоснулся к ее обнаженному плечу – тепло ладони согрело кожу. Убрал прядь с ее лица, затем склонился и оставил легкий поцелуй на щеке...

Тягучее томное желание тут же окутало ее бедра, теплой волной ударило в колени и живот. Дыхание перехватило, как всегда, когда он был рядом. То, что давало ей силы, вселяло уверенность в своей красоте и манкости, находилось в его умелых сильных руках. Казалось, еще одно прикосновение, еще один поцелуй, и она взорвется на миллион радужных осколков абсолютного счастья.

– Ржевский...

Легкий холодок пробежался по обнаженной коже, от чего желание стало только сильнее, а ощущения острее.

Надя вздохнула во сне и потянулась навстречу так необходимому ей теплу, но встретила лишь пустоту и неудовлетворенность.

«Я скоро вернусь...» – мягко прозвучало словно издалека.

«Не уходи, пожалуйста! Я хотела тебе сказать...»

...Заиграла музыка. Бравурный марш "Выход гладиато-

ров" настойчиво лез в уши, вытаскивая из сладкого сна и возвращая в суровую действительность. Где-то на стыке сознания Надя схватила трубку и хрипло прорычала:

– Я хотела тебе сказать, что ты скотина!

– Доброе утро, Наденька, я тоже рад тебя слышать, – ответил дядя Том, и Чарушина наконец разлепила глаза.

– О... Томас Георгиевич, это вы... Доброе утро! – она резко поднялась и схватилась за гудящую голову. – Наверное...

– Ты там как? – по-отечески поинтересовался главный учредитель.

– Я нормально... кажется... – Надя прикоснулась кончиками пальцев к тому самому месту на щеке, где, кажется, всего лишь минуту назад ее поцеловал Ржевский...

Ржевский!..

Надя оглядела кровать, провела ладонью по холодной нетронутой подушке и прислушалась. В квартире было тихо – не шумела вода в душе, не гудела кофемашина. Все было так же, как всегда. Все, кроме Ржевского...

– Ты опять заснула? Быстро неси свою задницу сюда! – внезапно рявкнул дядя Том, а Надя подскочила на месте.

Моргнув, она судорожно вцепилась в халат Ржевского и стала спешно натягивать его, путаясь в рукавах.

– Да-да, Томас Георгиевич, уже выхожу... После вчерашнего что-то совсем расклеилась. Но слава богу, что...

– Наденька, быстро, я сказал! Денис уже здесь. Там труп, и надо...

Надя в ужасе зажмурилась и дернула себя за волосы. «Нет! Нет! Только не это...» Конец фразы дяди Тома она даже не дослушала, оглушенная информацией о трупe.

Когда дядя Том отключился, Надя обреченно потащилась в душ, где дала волю истеричным слезам. Через полчаса, не досушив толком волосы и облачившись в черный деловой костюм, она взглянула на свое отражение в зеркале. Ужаснувшись, замазала кое-как тональником круги под глазами и подкрасила ресницы. Обнюхав холодные сырники, которые пролежали в холодильнике несколько дней и стали похожи на камни, она выпила стакан кипяченой воды. Сунула ноги в остроносые лодочки, хлопнула дверью и понеслась к машине.

Мрачно взирая на галдящих во дворе детей, яркое солнце и белые облака, Надя напялила на нос темные очки и порылась в сумке в поисках ключей. Ключи оказались в машине, напоминая ей о том, что даже закончив юрфак с красным дипломом, сдав квалификационный экзамен и став младшим адвокатом, можно оставаться полной дурой и неудачницей.

Выезжая со двора, она заметила, как два мужика в фирменных куртках колдуют над воротами, а это значило, что днем следовало позвонить в управляющую компанию и узнать, где и как она может получить электронные ключи.

Стоп! Какие ключи? – Надю окатило холодом. Дядя Том ведь сказал: там труп... Вот, собственно, и все – нашлась пропажа. И Кораблев в конторе, а это значит, что он, как и

обещал, вернулся на место утром, чтобы найти сбитого Надей пешехода... Скоро ей не понадобятся ни ключи, ни остроносые лодочки, ни еще сто-пятьсот любимых вещей, книг и украшений... Что вообще можно будет взять с собой в камеру?! Зубную щетку? О боже...

– Надеюсь, дядя Том возьмется меня защищать, – всхлинула Надя. – А все из-за тебя, Ржевский! Все из-за тебя... Шляешься со своими бабами! Заврался совсем! А я тебе верила! Верила...

Очередное осознание того, что ее бросили грубо, бесцеремонно и без объяснений, привело Надю в состояние бешенства. Словно в ней взыграла давно разбавленная цыганская кровь. Она и не подозревала в себе подобных чувств. Давал ли отец поводы к ревности, Надя не знала. Впрочем, подобное вообще не приходило ей в голову. Брак родителей был примером для нее, и будущее замужество стало бы естественным шагом, потому что их чувства с Ржевским виделись ей прекрасным продолжением ее образа жизни и внутренних принципов.

В офис «Рур, Чарушин и партнеры» Надя вбежала, лишь на мгновение задержав взгляд на вывеске. Николай Чарушин уже не встретит ее на пороге своего кабинета, не обнимет, не пожалеет, не отругает за небрежность или ошибку. Эти мысли в очередной раз заставили Надю пережить приступ невосполнимого горя. Она прошла школу «молодого юриста» под руководством своего отца и Томаса Рура, набила шишки и

натерла дубовые мозоли на подушечках пальцев, но кто же знал, что ошибка, способная разрушить ее жизнь, кроется совсем в другом месте.

Собравшись с силами, Надя постучала в дверь и, дождавшись скупого «Войдите!», вошла.

– Томас Георгиевич, здравствуйте... – опустив голову и не снимая очков, Чарушина вцепилась в сумку и встала посреди кабинета, будто проштрафившаяся школьница.

– Ну как ты, Наденька? – спросил ее Рур. Сухонький, невысокого роста, в клетчатом костюме и бабочке, дядя Том чуть подался вперед и сложил перед собой маленькие ручки. Старинные серебряные запонки в манжетах белоснежной рубашки звонко брякнули о столешницу.

– Я... э... Нормально в сложившихся обстоятельствах, – кротко ответила она.

– Как Павел?

Вздрогнув, Надя растерянно подняла глаза. Рур сверлил ее внимательным взглядом, таким же, как и сидящий слева от него Кораблев – дядюшкин племянник и капитан полиции по совместительству. Надя вздохнула и честно поведала:

– Не знаю.

– А где он? – вступил в беседу Кораблев и встал с места.

– По всей видимости еще в командировке, – фыркнула Чарушина. – Теперь это так называется.

Какой смысл было рассказывать, что Ржевский зависает у любовницы? К тому, что произошло с ней, теперь уже его

бывшей невестой, это не имело никакого отношения. Наезд произошел только по ее вине. Нет, косвенно, конечно, Ржевский повлиял на это, но какая разница, если она все уже для себя решила?

– Наденька, ты вообще в курсе того, что случилось? – повысил голос дядя Том, отвлекая ее от рвущего на части внутреннего монолога.

– Ох, Томас Георгиевич, я все понимаю, только не добивайте меня, пожалуйста! – дрожащим голосом произнесла Надя. Затем без паузы обратилась к Кораблеву: – Денис, спасибо, что не пришли арестовывать меня домой. Я бы не пережила такого позора. У нас соседи приличные, и вообще...

– Мне кажется, Надежда Николаевна еще не в курсе, – крикнул Кораблев и выдвинул стул, приглашая ее присесть.

Надя села, примостив сумку на коленях.

– Надежда Николаевна, я вас по-быстрому введу в курс дела, а вы внимательно меня послушайте, хорошо? – как маленькому ребенку, объяснил капитан.

Надя вытянулась в струнку и кивнула.

– Сегодня утром недалеко от Кукушкино местный житель выгуливал собаку и наткнулся на женский труп.

– Женский труп... – побелевшими губами повторила Надя и скрючилась, раздавленная ужасным известием.

– Да. Женщина была задушена в собственной машине на берегу реки, – у Кораблева был такой голос, будто он хотел добавить: «Представляете? Охренеть, ну и дела...».

В животе у Нади громко заурчало от нехстати проснувшегося голода и охватившей ее паники. Мозговое вещество со скрипом пыталось переварить информацию, так что обстоятельства дела до нее дошли не сразу.

– Это не я! – воскликнула она и в подтверждение своих слов часто закрутила головой. – Я только сбила! Но не душила, богом клянусь!

– Наденька, никто и не говорит, что это ты, – вздохнул Рур и налил в стакан воды из резного хрустального графина. – Ты успокойся, пожалуйста, и соберись. И еще подумай, где может находиться Павел.

– Не я?! Правда?! Господи, слава богу! – выдохнула Надя. – А насчет Павла... – она сглотнула, с жадностью глядя на стакан с водой. – Я ничего не знаю! Вы даже не представляете, что я пережила за эти часы... Уф!

Свобода, как главный символ человеческой жизни, открыла сейчас перед ней такие горизонты, к которым хотелось идти строевым маршем с флагами наперевес. Надя закрыла лицо руками и подумала, что расставание с Ржевским она как-нибудь переживет. Конечно, не сможет забыть и вообще, пожалуй, будет любить вечно... Даже, наверное, создаст в своей девичьей комнате в доме родителей уголок памяти потерянной и попорченной любви – повесит большой постер с лицом изменщика и в самые тяжелые минуты будет жечь свечи и рыдать под Селин Дион. Но все же эта перспектива была куда лучше, чем камера и кусочек неба сквозь желез-

ную решетку!

Надя стащила темные очки и посмотрела на мужчин ясными и честными глазами.

Капитан Кораблев, замерев на мгновение в лучах ее страдальческого, но в целом жизнеутверждающего взгляда, немного смутился и схватился за карандаш. Только сейчас Надя заметила лежавшую перед ним карту.

– Вот здесь ее нашли, – он указал на нужную точку.

– Я прекрасно знаю территорию вокруг Кукушкино, – пожала она плечами. – Все детство там провела. Дом у нас старый, но хороший. – Надя улыбнулась, с грустью вспомнив времена, когда родители собирали шумные компании на даче. Играла музыка, взрослые пили вино и громко спорили, сидя на веранде, а Надя, свернувшись калачиком в гамаке, читала Куприна и с тихим ужасом и восторгом примеряла на себя судьбы падших героинь из «Ямы». – Вы же помните, Томас Георгиевич?

– Конечно, Наденька, – ответил старый адвокат. – Мы же с вами соседи. К сожалению, не имею возможности ездить туда так часто, как хотелось бы. Старость.

Воцарилось гнетущее молчание.

Надя чувствовала, что атмосфера вокруг нее не только не отвечает ее ожиданиям, но и таинственным образом сгущается.

– А собственно, почему мы обсуждаем Кукушкино? – спросила она. – Это ведь не имеет отношения к моему вче-

рашнему инциденту? – уточнила на всякий случай и, не встретив возражений облегченно выдохнула: – Теперь-то я уверена, что это был лось! Или кабан... Бегаёт теперь где-то с синяком на... – Надя тактично кашлянула. – Денис, вы хотели утром поехать и все проверить, у вас получилось?

– Там сейчас и без меня толпа народу, – ответил капитан. – Не буду ходить вокруг да около, Надежда Николаевна. Выяснили личность погибшей, – Кораблев сделал многозначительную паузу. – Это Елизавета Тураева.

– Ох, ты боже мой. Тураева... – пробормотала Надя и растерянно посмотрела на мужчин. – Тураева... Кто это?

– Максим Тураев, её муж, владелец завода железобетонных и цементных изделий. Вы наверняка видели рекламные растяжки в городе!

– Ну, может быть, – Надя развела руками и посмотрела на карту. – Это место почти в двух километрах от дороги, где мы с вами встретились. Надеюсь, вы не подумали, что я могу как-то... – она нервно хихикнула, – как-то быть причастна к убийству этой несчастной?

– Наденька, дело серьёзное, – по-своему расценил её смешок Рур. – Ты соберись, пожалуйста!

– Конечно! – Надя выпрямилась и с готовностью посмотрела на Рура. – Томас Георгиевич, говорите напрямик! Нас наняли? – глаза её загорелись. – Вы возьмете меня помощником? Вы же знаете, я хоть что... хоть куда... Все-все сделаю! Всю жизнь мечтаю поработать на уголовном процессе! Возь-

мите меня! Ну возьмите! – она крепко сжала дужки очков в своих кулачках и скрестила ноги, чтобы увеличить шансы на удачу.

Рур закатил глаза и махнул Кораблеву, чтобы тот продолжил разговор за него.

– Надежда Николаевна, взгляните на эту фотографию. Может вы все-таки знаете погибшую? Или видели где-нибудь? – спросил капитан.

Надя посмотрела на фото, отвела глаза, а затем снова скосила их на снимок. Ей показалось, что ни один мускул не дрогнул на ее лице, когда она узнала блондинку из торгового центра, но губы она раздвинула с трудом.

– Нет. Лично мы никогда не были знакомы... – пробормотала Надя, вновь ощущая, как холодный липкий страх пополз по ее рукам и спине.

– В салоне автомобиля гражданки Тураевой была найдена визитка Павла Ржевского, а в ее телефоне их переписка. Следствие считает, что Ржевский может быть причастен к убийству Тураевой, – скороговоркой произнес Кораблев, бросив быстрый взгляд на Рура.

В это самое мгновение раздался треск, и любимые Надины очки оказались безнадежно испорчены. Тонкие золоченые дужки подрагивали в ее тонких пальчиках, а сама она сейчас была белее мела.

– Что-о? – просипела Надя. – Мой Ржевский убийца?!

– Следствие считает эту версию основной. – Кораблев

сгреб фотографии и карту, старательно пряча взгляд. – Понимаю, что...

– А кто ведет это дело? Вы? – перебила его Надя, недоверчиво вглядываясь в простоватое рыжебровое лицо капитана.

– Нет, слава богу, – ответил он.

– Слава богу? – обомлела Надя.

– Иначе я не мог бы вот так запросто с вами здесь общаться, – доверительно поведал капитан и поерзал на месте. – И вообще, я даже не следователь.

– Наденька, Денис мой внучатый племянник, и ты для меня тоже родной человек, – сказал адвокат. – Лишь поэтому мы сейчас обсуждаем это приватно.

– Да-да... – она медленно поднялась и судорожно вцепилась в спинку стула.

– Наденька, – Рур подошел к ней. Он смотрел на нее снизу вверх внимательным, все понимающим взглядом. – Ты, пожалуйста, возьми себя в руки. Надо как-то...

– Томас Георгиевич, я не могу в это поверить!

– Наденька, мы профессионалы, а это значит...

– Только факты, исследования, доказательства и доводы... – она поежилась, а затем выпалила: – Я почти его жена, а значит, могу отказаться свидетельствовать против него.

– Не все так просто, детка. Но пока тебе и не надо вмешиваться во все это.

– Это ваше абсолютное право, Надежда Николаевна, – подтвердил Кораблев. – Тем более, ничего плохого вы ска-

зять о нем не можете, ведь так? Со своей стороны, я готов оказать всяческую поддержку, если она потребуется.

– А Павел... – прошептала Надя. – Его ищут?

– Да, ищут, – пожал плечами Кораблев.

– Времени мало, Наденька. Скоро информация вылезет наружу, пойдут разговоры, – старый адвокат аккуратно вынул из ее сжатых рук сломанные очки и выбросил их в урну. – Если Павел найдется... – Рур кашлянул и уточнил: – Когда Павел найдется, ему потребуется юридическая помощь.

– Его надо найти, – сказала Надя таким тоном, что старый адвокат вздрогнул. – Найти и... – она обернулась к Кораблеву.

– Обезвредить?

– О... О!... – простонала Чарушина.

– Извините. Вы простите, но мне уже пора, – удрученно сказал Кораблев, застегивая сумку-планшет.

– Подождите! – воскликнула Надя. – Давайте... Давайте сходим в ресторан? Прямо сейчас, а?

– В ресторан? – опешил Кораблев.

Они с Руром многозначительно переглянулись, явно подозревая Надю в помешательстве.

– Да! Выпьем кофе... мне нужен кофе, чтобы переварить все это... – Развернувшись на каблуках и не прощаясь, Надя направилась вон. Рур вздохнул и покачал головой, а Кораблев торопливо последовал за ней.

Мужчины ей глядели вслед.

Тому причина – дивный стан,

В глазах сверкающее «нет»

И кровь кочующих цыган...

– Надежда Николаевна, подождите! – Кораблев догнал Надю у машины и придержал за локоть. – У меня на самом деле очень мало времени.

– У меня тоже, – ответила Надя и проводила взглядом стайку подростков, которые громко смеялись над какой-то глупой шуткой. – Я так понимаю, совсем скоро меня пригласят к следователю для разговора. Поэтому мне нужно подумать хорошенько, чтобы... чтобы... – она замолчала.

– Со мной можете говорить абсолютно спокойно, – заверил ее Денис. – Я понимаю, что вы расстроены. Видел, кстати, программу с Ржевским, – капитан шмыгнул конопатым носом. – Ничё так интервью. Я, правда, в рекламе мало что понимаю. Но в жизни случается всякое, поверьте. Когда дело касается кого-то из близких, невозможно спокойно относиться к...

Надя погрозила ему пальцем:

– Пожалуйста, давайте не будем говорить о моих чувствах, ладно, Денис? Вы, конечно, можете думать все что угодно, но я действительно ничего не знаю о том, где сейчас Ржевский.

И сейчас мне... я просто очень... – в ее глазах сверкнули слезы, но она тут же взяла себя в руки. – Я в порядке.

– Вы меня на завтрак пригласили, – спешно сменил тему Кораблев и огляделся. Заметив вывеску ресторана на другой стороне улицы, предложил: – По кофейку, а, Надежда Николаевна? Нам очень нужен хороший кофе, да? Тем более, кофе – не водка, много не выпьешь...

– Да, – пробормотала Надя, теребя ремешок сумки. – Но вам пора на работу, Денис. А мне нужно в Кукушкино. Я хочу своими глазами увидеть место преступления!

– Ну вы, конечно, придумали! – всплеснул руками капитан. – Если ехать, то только вечером. Там сейчас наши сотрудники работают, и ваше появление может только усугубить ситуацию, понимаете?

– Да-да, вы абсолютно правы, – пробормотала она. Раздумывая, Надя прикусила костяшку указательного пальца, а затем развернулась и зашагала к пешеходному переходу.

– Ну, ёлки-мotalки! Надежда Николаевна, так мы за кофе, или как? – крикнул ей вдогонку Кораблев и, не дождавшись ответа, потрусил следом за ней.

В ресторане «Бемоль» Надя была всего лишь раз на именном фуршете своей подруги и бывшей однокурсницы. Именно там она впервые увидела Ржевского. Так сказать, сама судьба столкнула их лбами, чтобы позволить ей влюбиться в статного красавца без оглядки. А ведь поначалу она даже не хотела туда идти.

Место это было дорогое, пафосное, с удобной парковкой, и занимало неприлично большую площадь. Офис «Рур, Чарушин и партнеры» тоже находился в центре, но ютился на втором этаже старого особнячка, в темном переулке, пропахшем кошками. Там даже снег лежал до начала мая. И когда вокруг уже всюю желтела мать-и-мачеха, дворник Баир, напевая витиеватый восточный мотив, колотил металлическим прутком по слежавшемуся серому ледяному наросту.

Все знали, что помещение являлось родовым гнездом Рура, которое он перевел в нежилое, оборудовав там офис, а сам жил в обычной квартире за пару кварталов. Он никогда не был женат, детей не имел, полностью сосредоточившись на своей работе. Партнеры по очереди дежурили в конторе, и только Рур и покойный отец Нади изо дня в день приходили на службу, чтобы контролировать процесс и держать дело на плаву.

«Бемоль» встретил их прохладной тишиной и приятной девушкой-хостес на входе. При виде ее Кораблев вежливо расшаркался, но под мрачным взглядом Нади тут же сделал серьезное лицо. Они вошли в небольшой зал с кипенно-белыми скатертями и темно-зелеными бархатными порттьерами. Банкетный зал, в котором, так сказать, свершилась судьба Наденьки, сейчас был закрыт.

– Нам, пожалуйста, кофе и... – капитан выжидательно посмотрел на Чарушину.

Надя подумала, вздохнула и отказалась – ни одно из пи-

рожных не могло подсластить ту горечь, которая сейчас отравляла ей душу и кровь.

Заняв место у окна, она огляделась и заметила трех мужчин, сидевших в противоположном углу. От остальных посетителей их должна была отделять резная ширма, но сейчас она была сдвинута, и Надя скривилась, узнав в одном из посетителей адвоката Половикова, которого, мягко говоря, недолюбливала.

Кораблев перехватил ее взгляд и чуть склонился над столом:

– Офигеть! Ну и ну! Вы узнали его?

– Еще бы, – фыркнула она. – Роман Половиков собственной персоной. Тот еще тип. Самый настоящий черный живоглот, – Надя пошевелила пальцами, изображая холодного и скользкого морского гада.

– Черный живоглот? – оторопел Денис, а когда отмер, незаметно показал пальцем на второго: – Нет-нет, того, который в очках.

Надя скосила глаза. Напротив Половикова сидел высокий темноволосый мужчина в дорогом, явно шитом на заказ костюме. Он сдвинул очки в деревянной оправе к середине переносицы и сложил руки, скрестив их между собой. Около сорока, интеллигентного вида, с прямой спиной и отдающим синевой в районе подбородка бледным лицом. Рядом с ним сидел совершенно другой типаж – с очень широкими плечами и крепкой шеей. Таких в простонародье называли "шка-

фами", и Чарушину подобные типы несколько смущали. Не то чтобы Надя не любила спортсменов, просто ее глаз радовали рельефные тела без явных признаков геракломании. Ржевский, например, умело сохранял эту грань. Он тщательно следил за весом и питанием и давно отказался от сахара. А вот Надя любила сладкое и не могла себе отказать в этом удовольствии. И Павел частенько баловал ее шоколадом и марципанами, приговаривая при этом: "Понимаешь, любовь моя, сахар можно добывать совсем другим способом. Когда я тебя целую, поверь, никакой рафинад не сравнится с этой сладостью..."

...— Надежда Николаевна, вы меня слышите?

— А?! — Она помотала головой. — Нет, я никого из них не знаю, — кашлянув, Надя прикрыла лицо рукой, чтобы случайно не привлечь внимание Половикова.

Но все ухищрения были напрасными, потому что не заметить ее адвокат Половиков просто не мог — ему было достаточно повернуть к ним голову. Однако сейчас он был занят собеседниками и тем, что находилось в его тарелке. Надя брезгливо поджала губы, представив, как двигаются, перемалывая пищу, челюсти Половикова. Примерно так же он перемалывал любого, вставшего на его пути.

Она отвергла его настойчивые ухаживания, еще когда была студенткой и проходила практику у Рура. Половиков в то время был уже достаточно известным адвокатом, и даже Рур отмечал в нем редкую изворотливость и умение пролезть в

игольное ушко без вазелина. Наде он не понравился с самой первой встречи. Его настойчивость, масляные взгляды, приторные улыбки, намеки и уверенность в собственной неотразимости ее раздражали. Половиков считал себя первым парнем в их юридической «деревне» и был настроен сделать хорошую партию с юной девушкой из уважаемой семьи. Однако, несмотря на роскошные букеты и радужные перспективы, Надя пропускала льстивые речи мимо ушей и демонстративно холодно отказывалась от подношений. Сердце ее на тот момент было безраздельно отдано работе, и ни о каких матримониальных планах она не задумывалась.

Половиков отступил, и с тех пор между ними воцарилась холодная война, правила которой Надя время от времени нарушала.

Однажды они едва не сцепились в суде. Это было одно из первых дел, которые Надя вела сама. Если бы не присутствовавшие на заседании Рур и ее отец, она бы влепила Половикову папкой по наглой морде за все те гадости, которые тот говорил об ее клиентке, а еще за намеки на юность и глупость, адресованные ей самой. Судья сделал Наде замечание, а мог бы оштрафовать или даже отстранить, потому что адвокат, угрожающий оппоненту папкой – это нонсенс. К сути дела выступление Половикова имело лишь косвенное отношение, и Надя прекрасно понимала, что ему просто доставляет удовольствие демонстративно копать в грязном белье, однако сдержаться в тот момент смогла с огромным

трудом.

– Максим Тураев, собственной персоной, представляете? У него жену убили ночью, а он в ресторане завтракает... – прошептал Кораблев.

– Ну... кофе пить – не шашлыки на природе лопать, – парировала Надя. – С адвокатом сидит, не просто так. – Она покусала губы, подумав, что выбор адвоката Тураевым был весьма предсказуем. Большие деньги, крутые связи... – А кто это рядом с ним?

Кораблев пожал плечами.

– Заместитель, что ли? Или охранник? – размышляла вслух Надя, искоса разглядывая владельца завода и новоиспеченного вдовца. Когда тот, оттопырив мизинец, поднял кофейную чашечку, вдруг сказала: – Я на минуточку! – и, выскользнув из-за стола, торопливо направилась в сторону дамской комнаты.

В туалете Надя выдохнула и распустила оставшийся с вечера хвост. Волосы спутались, и Надя попыталась укротить их, просунув пальцы в темные пряди. Смочив виски холодной водой, она рассматривала в зеркало свое застывшее бледное лицо и думала о Ржевском. Вспоминала, как увидела его в торговом центре, какой внимательный был у него взгляд, и как почти ласково он поглаживал пальцы блондинки... Вспыхнув, Надя глухо застонала от нового приступа ревности. Ее разум словно отказывался принимать информацию о смерти соперницы. Внутри жгло, разрывало на ча-

сти, лишая способности адекватно мыслить. Надя увеличила напор воды и подставила запястья под ледяные струи. Затем, одернув рукава пиджака, направилась обратно в зал и, гордо приподняв подбородок, последовала к своему столику.

«Шкаф» мазнул по ней мимолетным взглядом, а вот Тураев сфокусировался на ее лице, и Надю вдруг охватило такое волнение, что закружилась голова. Ее поразили его пронзительный взгляд – тяжелый, гипнотический, чего она совершенно не ожидала. У мужчины были волчьи серые глаза, которые, вероятно, заставляли каждого, на кого они смотрят, чувствовать себя оленем в свете фар. Или же ее нервы были так напряжены, что она вообразила себе невесть что. Оно и понятно – с ней столько всего произошло, что в пору было задернуть шторы, обнять диван и плакать, заперев дверь на все замки, а не отсвечивать по пафосным ресторанам. Пока Половиков что-то оживленно рассказывал, Тураев продолжал смотреть на нее. Надя ощутила неподдельный жар его внимания на своих волосах, плечах и талии, а затем все ниже и ниже. Это было не очень приятное ощущение, от которого слабели и дрожали колени.

Заслышав стук ее каблуков, адвокат Половиков обернулся и, состроив ядовито-вежливую гримасу, произнес на весь зал:

– Какие люди! Глазам своим не верю! Какими судьбами, Наденька?

Его голос моментально отрезвил и придал Наде ускоре-

ния, заставив сжать кулаки.

– Я вам не Наденька, – прошипела она сквозь зубы и, вильнув бедрами, словно рыба-парусник хвостом, резко повернула к столику, где ее дожидался капитан Кораблев.

Перед ним уже стояли чашки с кофе, а сам он, слегка приоткрыв рот, смотрел на Надю.

– Что? – спросила она, метнув в него яростный взгляд.

– Нет-нет, ничего, – смутился Кораблев. – Просто вы так шли...

– Как?! – Надя уселась на свое место и наконец выдохнула.

– Красиво, – уши Кораблева покраснели.

Ярость на ее лице сменилась недоумением.

– Не обращайтесь внимания, – скороговоркой произнес Кораблев. – Просто вы такая... – Споткнувшись о Надин взгляд, он схватил чашку и пробормотал: – Я подумал, вы специально.

– Что специально?

– Ходили вот так перед ними.

Надя хотела было сказать что-нибудь язвительное на этот счет, но потом передумала. Отпив глоток кофе, тихо спросила:

– Денис, я ведь могу быть с вами откровенной?

– Разумеется, Надежда Николаевна, – так же шепотом сказал он.

– Мне нужны все известные факты с места преступления. И неизвестные тоже... Я давно знаю Павла Ржевского. Я до-

веряла ему... — на последней фразе она печально вздохнула и наморщила нос.

— Конечно, я постараюсь. — Кораблев посмотрел на часы. — Вы простите, но мне пора, а как только появится время, я... — он поднял на нее глаза и ошарашенно заморгал рыжеватыми ресницами. — Надежда Николаевна, что с вами?

По Надиным щекам уже текли крупные слезы.

— Ничего, я справлюсь! — надломленным голосом произнесла она. — Все это так ужасно, так больно! Просто не могу поверить! Какой позор...

— Э... — Кораблев потянулся за салфеткой, но задел чашку. — Так ведь... Ну как же... Я же... — Остатки кофе пролились на столешницу, и капитану пришлось в срочном порядке промокать коричневое пятно.

— Идите, товарищ Кораблев, — сквозь всхлипы процедила Надя. — Буду ждать вашего звонка.

Кораблев, покрутившись на месте, вытащил портмоне, но Надя так посмотрела на него, что он тут же запихал его обратно и быстро зашагал на выход, все время оглядываясь в ее сторону.

Надя высморкалась и уставилась в чашку с недопитым кофе. Понять, о чем говорили за дальним столиком Тураев и Половиков, она не могла, но продолжала напряженно прислушиваться, пока над ее головой не раздался приторно сладкий голос адвоката, а на стол не лег накрахмаленный и надушенный мужской носовой платок.

– Ах, Наденька, какое разочарование! Сочувствую вам. Такие планы! Вы же, кажется, собирались замуж?

Она распрямилась и закусила нижнюю губу.

Наглые голубые глаза Половикова плотоядно оглаживали ее вздымающуюся грудь и уголок белеющей кожи в вырезе пиджачка. Адвокат ухватился за спинку ее кресла и склонился еще ниже:

– М-да, вам бы следовало повнимательнее выбирать кандидатов на свою руку и сердце, Надюша. А то ведь как получается? Карьера-то ваша теперь может схлопнуться как мыльный пузырь. Убийство, Наденька, это вам не алименты отжимать. А общаясь, так сказать, с преступником, репутацию можно потерять очень быстро.

Надя сжала зубы и откинулась на спинку стула. Смерив Половикова уничижающим взглядом, она посмотрела в сторону Тураева, но ни мужа погибшей Елизаветы, ни «шкафа» за столом уже не было.

– Как-то так, дорогая Наденька, – зудел Половиков, напирая на нее выпуклым животом. – Я ведь все понимаю: женщину обаять нетрудно. Надо только знать, чего она хочет. А судя по вашему выбору...

– Мне совершенно не интересно ваше мнение на этот счет, – пробормотала Надя и полезла в сумочку за деньгами.

– Ах, Наденька, а счастье было так возможно! – остановил ее Половиков, сделав знак официантке. – Угощаю! – великодушно пояснил он. – Всегда готов услужить вам, милая На-

дюша, в память о вашем папеньке. Если бы он только знал... – адвокат нарочито вздохнул. – Он ведь даже не догадывался, что у вашего Ржевского кредитов тьма и уголовные наклонности.

Надя вздрогнула и удивленно посмотрела на Половикова. Тот, почувствовав ее интерес, продолжил:

– А как вы думали, Наденька? Красивая жизнь стоит дорого! Одно радуется, не вам эти долги отдавать, Надюша! Прям бог отвел от необдуманного шага.

С трудом поборов растерянность, Надя мотнула головой и рыкнула:

– Никаких сил нет вас слушать! Позвольте мне уйти, Роман Дмитриевич!

– Я многое могу вам позволить, Надюша! Одно ваше слово и... – Половиков потянулся к ее руке.

– Да идите вы... – топнула она ногой. – Оставьте меня!..

Надя вытряхнула на стол несколько купюр, оттолкнула Половикова и почти бегом понеслась прочь, пытаясь разглядеть через ресторанные окна, куда направился Тураев.

*Когда измучен подозреньем,
Когда в груди вскипает кровь,
Пройди по пунктам все сомненья,
Подумай – а была ль любовь?*

Когда Надя выбежала на крыльцо ресторана, то увидела лишь мощный зад серебристого внедорожника, на всех парах рванувшего через перекресток. Что-то подсказывало ей, что это автомобиль Тураева. А некоторую спорность этого момента можно было совершенно спокойно разрешить чуть позже через того же Кораблева. У Томаса Георгиевича, разумеется, и кроме его веснушчатого племянника были везде знакомые, но в столь щекотливом деле ей меньше всего хотелось просить о помощи кого-либо со стороны.

Едва она села в свою машину, как зазвонил телефон. Надя схватила трубку и, увидев номер, зажмурилась: «О, нет...»

– Мама, привет! Как твои дела? Как себя чувствуешь? Как твои розы? – защebetала она нарочито бодрым голосом. – У меня все хорошо, правда-правда!

Рейсовый автобус, который двигался перед ней, газанул, выпустив облако едкого темного дыма. Надя громко чертыхнулась, будто вонючий серый пыльный налет опустился прямо на нее.

– А что Ржевский? Ржевский в командировке... – сквозь

зубы процедила она. На следующей реплике матери, Надя едва не въехала в автобус. – Кто тебе такое сказал? Ох, ты ж... Я ей все перья повыдергиваю! Ладно, ладно, это я образно. Послушай, нашу квартиру я продавать не стану ни при каких обстоятельствах! В ней еще твои внуки расти будут! – Надя прикусила язык, но затем вновь защебетала: – Ты отдохай хорошенько, ладно? И трубку бери, только когда я позволю. Что значит, пообщаться охота? У тебя там лопата есть, и эта, как ее?... Мотыга! Копай землю, ходи на море! Это мой приказ! Я, кстати, может еще приеду к тебе на недельку. Насчет Павла не скажу, ты же понимаешь, что он очень занятой человек. И вообще, он может очень надолго уехать... – Щеки Нади пошли красными пятнами. – Все-все, мамуль, у меня вторая линия! Целую, люблю! – Отключившись, она вытерла взмокший лоб. – Ну, Ирина Леонидовна...

Подруга матери, Ирина Леонидовна Войцеховская, выйдя на пенсию, вдруг решила заняться риэлторством. Для нее это была скорее игра, нежели заработок, хотя, как поговаривали, несколько довольно удачных сделок Войцеховской уже удалось проверить. Ирина Леонидовна очень любила бывать в обществе и собирала сплетни по всему городу, тасовала их как колоду карт и искала свободные уши, способные выдержать ее словесное цунами.

С одной стороны, Надя была зла на Ирину Леонидовну за ее намеки и предложения продать их квартиру, а с другой, ну с чего-то ведь ей нужно было начинать разговор со ста-

ринной подругой? Просто маменька воспринимала все очень дословно и порою вела себя как обиженная младшая сестра, которую следовало утешать и объяснять очевидные вещи. Надя же сейчас очень отчетливо поняла, как тяжело остаться одной без любимого человека. В ее случае – Ржевского...

Мысль эта была крайне болезненной и неприятной.

– Вот ведь зараза какая, – прошептала Надя, мучаясь от разбушевавшихся эмоций. Что Павел делал в этот момент и что чувствовал, она не знала и даже не догадывалась.

Сколько бы раз Надя не звонила на его номер, трубка неизменно вежливо и отстраненно заявляла о том, что абонент больше не абонент, и его местонахождение для нее останется неизвестным на неизвестный период времени...

Вернувшись к дому Ржевского, она огляделась. Ей следовало бы заняться текущими рабочими делами, но Надя знала, что в самое ближайшее время ей позвонят из полиции и пригласят на беседу. У нее на руках не было никаких фактов, кроме того, что она сама видела Ржевского с Елизаветой Тураевой. Стоило ли делиться этим со следствием, признавая очевидность того, что она обманутая жена? Ну, почти жена... Или следовало до конца держать оборону, собирая обстоятельства произошедшего? Надя прекрасно знала, что из мелких деталей и несостыковок можно выстроить крепкую пирамиду обвинения, но кто останется в таком случае рядом с Ржевским?..

Павел был поздним ребенком. Его родители – простые де-

ревенские люди, скончались друг за другом за несколько лет до ее знакомства с Ржевским. Так что Наде не пришлось ни под кого подстраиваться и пытаться понравиться, кроме, разумеется, самого Павла.

Конечно, ее родители, как и большинство семейных людей, переживали за будущее дочери и надеялись на то, что выпущенная Наденькой стрела попадет в нужную цель с первого раза. Когда Надя училась в 11 классе, Ольга Аркадьевна любила пообсуждать молодых людей из окружения дочери, заодно примеряя будущих родственников к себе. Отец по-малкивал, но к супруге прислушивался – их юная дочь вполне могла увлечься кем-нибудь совсем скоро.

Надя же готовилась к поступлению в вуз и не вникала в эти разговоры. Она представляла себя то Плевако, то Астаховым, и верила, что станет настоящим защитником всех угнетенных и несправедливо обвиненных. К ее желанию прилагались опыт и связи отца, а, следовательно, ясные и понятные перспективы.

Доверительные отношения в их семье сложились изначально. Надя росла самодостаточной личностью и за парнями не бегала, хоть юношеских влюбленностей не избежала. Но то не состыковывалась по времени с предметами обожания, постоянно занятая учебой, то быстро разочаровывалась из-за отсутствия общих тем, не особо успевая задумываться о «проблемах личной жизни».

Николай Чарушин считал, что если уж его дочь и выйдет

замуж, то исключительно взвесив все за и против, то есть по расчету. Откуда ему было знать, что в глубине души Наде хотелось сильных чувств и эмоций, красивой сказки и сексуального драйва, о чем, конечно, родителям не расскажешь во время семейного ужина. И когда она впервые увидела Ржевского, все ее желания вырвались наружу лавовым потоком, основательно потеснив рациональность и расчетливость.

Надя даже ни разу не поинтересовалась тем, какие женщины были у Ржевского до их встречи. Нет, ей не было плевать, просто она не хотела примерять на себя чужие образы и сравнивать себя с кем-то. Их отношения стали естественным продолжением собственной жизни – независимость проявлялась в заботе, а желание в поступках.

Ольга Аркадьевна, посвятившая жизнь семье, учила дочь, что постоянная нужда в женской поддержке и одобрении – признак мужчины слабого, и если девушка хочет всю жизнь чувствовать себя валовой лошадей, то выходить замуж нужно именно за того, кто смотрит тебе в рот и ждет похвалы. А если нет, то следовало учиться доверять и вдохновлять. Надя внимательно слушала ее и думала о том, что без сомнений бы вышла замуж за человека, похожего на ее отца, – интеллигентного, тонкого, умного и благополучного. Возможно, именно эти качества и подтолкнули ее к Павлу. А может, его удивительное обаяние. И, конечно же, улыбка...

Однако при всем этом, оказалось, что она ничего толком о нем не знала. Получается, даже Половиков знал о Ржевском

больше, чем она. Кредиты?! Конечно, любой бизнес требует вложений, но... А его квартира, поездки, подарки? Ее машина, в конце концов? Нет, Надя не была высокомерной, но все же считала, что является достаточно сильным звеном в цепочке социальных достижений, и никогда не задумывалась о том, что было бы, если бы Павел работал, к примеру, простым сантехником. Сантехником, хм... Ему пришлось бы очень постараться, чтобы попасться ей на глаза и привлечь к себе внимание.

В любом случае, как говорится: назвался груздем, полезай в кузов. До сего момента ей даже в голову не приходило, что его благополучие может быть таким шатким.

Она задумчиво посмотрела на подъезд дома, откуда в этот момент выходила соседка с первого этажа. Женщина толкала перед собой детскую коляску и разговаривала по телефону, зажав его плечом. Надя вспомнила, что муж этой соседки в начале лета получил травму и сейчас лежал дома с затянутой в гипсовый корсет ногой. И его жена ухаживала за ним. Это был пример безоглядной веры и заботы, на который она должна была равняться. Должна, но не представляла как в сложившихся обстоятельствах.

Между ней и Ржевским все было гладко, не считая, конечно, его желания поскорее поймать ее в брачные сети и наградить парочкой детишек. Она тоже была не против, просто сначала мечтала о пышной свадьбе, а потом скончался отец, и все это как-то ушло на задний план. Возможно, она сама

была виновата в том, что Ржевский стал смотреть по сторонам?

Она вдруг подумала о Тураеве как о мужчине. Он не выглядел подавленным и растерянным, но Надя заметила глубокую складку меж его бровей и крепко стиснутые челюсти. Разве можно винить его в том, что он скрывает истинные чувства? Мужчины вообще довольно редко выносят эмоции на люди. Носят своего рода маски. И причины для этого у каждого свои.

Надя передернула плечами: связаться с женщиной, у которой такой муж, – совершенно необдуманный поступок. Неужели это внезапно вспыхнувшая страсть, от которой у Ржевского напрочь снесло голову и притупилось чувство самосохранения? Она представила явно подколотые губы, выставленную, словно на показ, грудь, и скривилась. Если это так, то получалось, что все это время она глубоко ошибалась в Ржевском.

Чего ему не хватало? Чтобы она сидела дома и готовила борщи? Вряд ли Елизавета Тураева была образцом Степфордской жены... Хотя, кто знает о том, какой домашний уклад творился в доме бетонного короля?

«Провожай мужа на работу как на войну, – учила ее мать. – А встречай будто с войны!»

– Моя работа – это тоже военные действия! – упрямо поджала губы Надя.

Она вдруг отчетливо поняла, что завидовала не только

Ржевскому, но и всем мужчинам, которые ее окружали. Отец и Павел заботились о ней, помогали, но выглядело это так, словно Надя была статуэткой из тончайшего фарфора, которая вдруг вздумала занять место среди крепких кеглей в боулинге. Рур тратил свое драгоценное время на ее дела, проверяя и муштруя, пока не соглашался с тем, что она готова к судебному заседанию. А ведь она была взрослой самостоятельной личностью и профессионалом! Так почему же ей нужно было оправдываться?

Истерзанная внутренними переживаниями, Надя посмотрела на автомобиль Ржевского. Потом обошла его, заглянула в окна и попыталась даже сунуться под капот. Второй комплект ключей хранился в сейфе, и Надя решила, что ей обязательно нужно будет изучить салон на предмет оставленных там вещей и бумаг. Полицейские захотят проверить машину, раз заинтересовались личностью Павла. Поэтому ей просто необходимо было оказаться на шаг впереди.

Червячок сомнений свербел и настойчиво требовал внимания. Надя сжала зубы, признавая, что не сможет просто так уйти и вычеркнуть Ржевского из своей жизни. Хлопнуть дверью в этой ситуации было явно недостаточно. Она должна была сказать ему в лицо все, что думала. И не на суде, а лично. Не в состоянии аффекта, а только переварив всю ту ложь, которой он наполнил их совместную жизнь.

Итак, между Ржевским и Елизаветой Тураевой существовала связь. При этой мысли она с трудом поборолла желание

впечатать в черный глянец двери сжатый кулак и со всей дури провести верхушкой помолвочного кольца по его глянцевой поверхности. Если между ними была любовная переписка, то это могло означать, что они встречались больше одного раза. Когда? Так ли это важно? Вероятно, когда у Ржевского находилось для этого свободное время. Где? Вопрос риторический, сейчас с этим вообще нет никаких проблем – хочешь, снимай квартиру, хочешь, номер в гостинице...

С ней, разумеется, ничего подобного произойти не могло. Их первый раз случился, когда они улетели вдвоем в Италию. Можно сказать, получили благословение ее родителей. Надя, разумеется, была готова на интимные подвиги и раньше, сгорая от своей любви. Могла бы по карнизу голой пройти, лишь бы Ржевский распахнул для нее свои объятья. Но Павел, умело разжигая огонь страсти, не торопился и вел себя как истинный джентльмен, чем доводил Надю до изнеможения. При встречах с ним она скромно опускала глаза и всячески демонстрировала высокоморальный образ. И только жадные горячие взгляды Ржевского убеждали ее в том, что он относится к ней с такой же страстью. Павел не был бы тем, кем был, если бы повел себя по-другому. Знал, как к ней относится отец, и как важны эти реверансы для ее матери.

Умелый манипулятор, вот кем он был на самом деле!

Ржевский так ей нравился, что предложи он ей провести ночь в захудалом отеле, в чужой квартире, или на деревенском сеновале, она согласилась бы без раздумий и безо вся-

кого чувства вины. Подумаешь, принципы и воспитание... Кого это останавливало в желании быть с тем, кого любишь и хочешь?

Так кто же первый захотел вступить в эту порочную связь? Павел или Тураева? Где и как он устраивал эти встречи? А может, сама Елизавета брала на себя проблемы выбора места и времени?

– Господи, о чем я думаю! Убийство молодой женщины, вот что главное, – сказала Надя и встряхнула руками, чтобы немного расслабиться. Однако голову таким образом не расслабишь, и мысли вкупе с подозрениями продолжали роиться и размножаться.

Визитка в машине Тураевой – момент спорный. Так-то в городе у каждого второго может быть визитка Ржевского. Ну хорошо, не у каждого. Но ведь и Тураева не простая учительница или продавщица в магазине. Когда и где они познакомились? Упоминал ли Ржевский имя своей любовницы при Наде? Вполне вероятно, что их знакомство могло произойти при самых обычных обстоятельствах – на каком-нибудь ужине, или на приеме, через общих знакомых, в конце концов.

В то время, пока она слушала сверчков и сушила гербарий на даче, Павел занимался тем, о чем она не имела представления. Потому что доверяла...

– Сама виновата, – Надя скрипнула зубами, несколько раз пнула носком по колесу и скривилась от боли. Но вместе с

физической болью ее накрыло чувство гнева. Она глухо застонала и с силой провела ладонью по стеклу, представляя перед собой ненавистное и красивое лицо Ржевского.

– Здравствуйте, у вас все хорошо?

Надя обернулась и снова увидела соседку с коляской. Карпуз, задрал ноги, пытался стащить с себя ботиночек, но даже эта умильная сцена не смогла вернуть улыбку на ее лицо.

– Нет-нет, я просто... – она ткнула пальцем в стекло. – Подумала, что оставила рабочую папку в машине. Муж в командировке, и я...

– А разве Павел ваш муж? – округлила глаза соседка. – Я думала, вы просто...

Надя вспыхнула, мысленно отругав себя за вылетевшие слова и за то, что размякла за эти дни, словно черствый сухарь в чашке с горячим чаем.

– Ну, знаете, как бывает, – махнула она рукой. – Живешь, привыкаешь...

– Вы красивая пара, – улыбнулась соседка. – Детки тоже красивые будут, – она присела перед ребенком и поправила ему кофточку. – Да, солнышко? Такие же как ты, мой хороший!

Надя с грустью посмотрела на мать и дитя. Еще совсем недавно они тоже планировали себе такого же сладкого кудряша.

– Зря вы просто так живете, без росписи, – жалостливо посмотрела на нее соседка. – Мужиков надо сразу в бараний

рог скручивать. А то они привыкают и ни во что нас не ставят.

– Наверное... Я не знаю, – дернула подбородком Надя, старательно делая вид, что она выше подобных суждений.

– Зато я знаю, – хмыкнула женщина и развернула коляску. – Вы бы за своим следили лучше. Он у вас вон какой... – хмыкнула она и не спеша направилась к подъезду.

– Подождите! Вы это о чем? – кинулась Надя следом.

– Да ни о чем. Красивый мужик этот ваш Ржевский, говорю. Того и гляди, уведут. Мой-то вон тоже допрыгался. С друзьями в общаге пил, а потом с балкона упал. Как вам такая история? А ведь приличный человек, фирма своя, а в общагу поперся... Экзотики захотелось! Так бы и прибила...

– А причем здесь...

– А при том, что там наверняка бабы были. Куда ж без них? Им же плевать, что у нас ребенок. Им лишь бы мужика захомутать.

Наде хотелось сказать, что Ржевский не такой. Что по общагам он не ходит, и чужие бабы ему не нужны... Могла бы так сказать еще три дня назад, но сейчас промолчала.

– Но ваш не такой... – словно прочитала ее мысли соседка. – Видела его вчера. С цветами. Праздник у вас? Годовщина или день рождения?

Надя открыла рот да так и замерла, ошеломленная ее словами.

– Не хотите, не говорите. Понимаю, дело личное. Мой то-

же букеты носит. Редко, правда.

– Вы вчера видели Павла? – пораженно спросила Надя. – Где? Когда?

– Ну... я за кефиром для мелкого встала. Он когда проголодается, такой ор поднимает! Они с его папашей мне вообще спать не дают! Тот вечно в компьютерные игры ночь напролет играет, что дитя малое. А сейчас на больничном вообще с компом не расстается. Скорее бы уже этот гипс сняли. Все бока отлежал!

– Во сколько вы его видели? – повторила свой вопрос Надя.

– Кого? А, вашего-то? Не помню точно... Стемнело уже. Мы на втором этаже живем. И окна во двор выходят. Ладно, нам пора. До свидания!

– До свидания... – пробормотала Надя.

Когда соседка скрылась в подъезде, зазвонил телефон. Увидев незнакомый номер, Надя перехватила аппарат и случайно включила громкую связь.

– Надежда Николаевна Чарушина? – раздался официальный голос. С вами говорит следователь прокуратуры...

– Да, я вся во внимании! – Прижав трубку к уху, быстрым шагом Надя зашагала к дому. В подъезде она остановилась у почтовых ящиков и проверила содержимое, но кроме рекламы и счета за газ, ничего не нашла. – Я сейчас на встрече с клиентом. Освобожусь через полчаса, минут сорок. Ржевский? А что случилось? Нет, не видела несколько дней. Нет,

не знаю. Не в курсе. Да, подъеду, конечно.

Забегая в лифт, она на ходу достала ключи от квартиры, чтобы не тратить драгоценное время и с ужасом представляя все то, что ее ждет благодаря Ржевскому...

*Глазам не верила она,
Следы искала на паркете.
Судьба ее предрешена.
Ответы кроются в букете...*

Толкнув входную дверь, Надя встала на пороге и прислушалась к тишине, царившей в квартире. Затем медленно вошла внутрь и позвала:

– Ржевский, ты здесь?

Конечно, странно было думать, что он сейчас выскочит из-под кровати, под которую даже не смог бы протиснуться, но Чарушина на всякий случай заглянула под нее, изучив пыльное пространство. В стенном шкафу тоже не было ничего примечательного. Кухня, ванная, туалет... Надя взглянула в сторону лоджии и вдруг заметила, что край легкой шторы оказался зажат дверью. Она старательно следила за порядком, но утром, когда звонок Рура поднял ее с постели совершенно одуревшую от шального сна и переживаний, просто не обратила на это внимания. Взявшись за дверную ручку, она на всякий случай осторожно оглядела прямоугольное пространство через стекло.

Букет она увидела на маленьком деревянном столике, сделанном из лесной коряги, за которым они с Ржевским коротали зимние вечера, кутаясь в меховой плед и прижимаясь

друг у другу. Когда за огромными стеклами падал пушистый снег, можно было легко представить, что вокруг нет никаких домов и машин, что всего в нескольких метрах стоит оцепеневший от мороза зимний лес, и белое снежное покрывало останется нетронутым, пока по нему не пробежит лисица или заяц...

Но сейчас Надя слышала какофонию городского шума, свободно заполонившего лоджию через открытое окно. Она обошла столик и посмотрела вниз. Внезапный страх высоты обуял ее, когда девушка лишь на мгновение представила, что тело Ржевского лежит сейчас под окнами, и прекрасные глаза его устремлены вверх – на нее.

– Чур меня... – пробормотала Надя, вцепившись в тонкий металлический поручень и навалившись на него грудью.

Большой двор был как на ладони – шумели едва тронутые желтизной деревья, радовала глаз детская площадка с мягким покрытием – она стоила приличных денег, но соседи скинулись на нее как-то легко и быстро; темнел ровный асфальт и манили выкрашенные в приятный бежевый цвет удобные скамейки. Надя увидела даже служебный автомобиль, рядом с которым курили мужчины из охранной компании, проверяющей сейчас шлагбаум и камеры. Разумеется, никаких тел внизу не оказалось, но цветы за ее спиной продолжали лежать, напоминая Наде о том, что Ржевский был в квартире...

Она подняла обернутый в розовую крафтовую бумагу бу-

кет и вдохнула тонкий, едва уловимый аромат ее любимых желтых кустовых роз. Этикетка гласила, что цветы были куплены в городе, в маленькой симпатичной лавке под названием «Герда» неподалеку от дома.

Ржевский часто дарил ей цветы по поводу и без, и для него это было естественным проявлением своих чувств. Дорогие подарки – украшения и вещи – как правило, согласовывались. Надя относилась к подобным тратам осознанно, выбирала только качественное, вероятно тем самым вводя Павла в большие расходы. А он, казалось, был только рад и готов на все, чтобы сделать ей приятное. Или же, как сейчас думалось ей, таким образом он покрывал свои загулы... Но на замаливание грехов этот букет не был похож. Впрочем, что она могла знать о том, как замаливаются грехи подобного рода?

Надя покачала головой и прикоснулась к щеке. Будучи практичным человеком и работая в далекой от романтизма структуре, Надя скептически относилась к вещим снам или гаданию на картах, но поверить в то, что Ржевский был в квартире, на самом деле было трудно...

Он был здесь и целовал ее, пока она спала, но затем ушел, оставив в полном неведении и растрепанных чувствах.

Надя испытывала двоякое чувство – обида снова приподняла голову, но тут же была заткнута голосом разума. Все отчетливее перед ней вставала дилемма: как вести себя дальше. Пока она действовала интуитивно, под напором чувств, и сама не поняла, как слезы сами собой потекли из ее глаз,

когда она была в ресторане. Она не играла, и в них поверил не только капитан Кораблев, но и гадкий Половиков, моментально вставший в стойку и готовый занять освободившееся рядом с ней место.

О чем это говорит? Да лишь о том, что обвинение в убийстве уже не за горами. Если Половиков взялся за это дело, он точно выкрутит все шиворот-навыворот. А еще сейчас он знает гораздо больше, чем она. Но она знала Ржевского – Павел ни за что бы не стал рисковать своей жизнью и обретенным положением ради глупой интрижки. Если только эта интрижка не стала для него по-настоящему серьезной проблемой. Такой, за которую хочется убить...

Пора было брать себя за холку и тащить в полицейское управление, что Надя и сделала, перед этим все же поставив букет в вазу.

Она сознательно не полезла в интернет за информацией о Тураеве и его жене, полагая, что это может помешать ей выглядеть естественно. Всему свое время. И все же, не смогла удержаться и по пути набрала Кораблева:

– Денис, меня вызвали к вам в контору. Нет, Павел не звонил, – она остановилась и посмотрела себе под ноги. – Тебе удалось что-то узнать? Давай встретимся? Ты знаешь, где раньше был рыбный магазин с пивным ларьком? Да, за гаражами, недалеко от вас.

Через полчаса, оставив машину напротив здания прокуратуры, Надя свернула за угол и нырнула в неприметный пе-

реулок. Сразу за ним начинался частный сектор, но нужное ей место было огорожено строительным забором, хотя никакой стройки здесь пока не было. Озирающегося Кораблева она заметила сразу, потому что забралась на обрубок бетонной трубы, с которой теперь разглядывала валявшийся на земле мусор.

– Надежда Николаевна, ну вы выбрали, конечно, местечко для встречи, – озираясь, поморщился Денис.

– Давно не была здесь, – пробурчала она и протянула руку.

– Даже представить не могу, каким ветром вас могло сюда занести! Подумать только – вы и пивной ларек!

– Вы многого обо мне не знаете, Денис. Поверьте, я не только филармонию посещала. Когда училась в выпускном классе, меня пригласили сюда на свидание, – объяснила Чарушина и, прыгнув вниз, добавила: – Пива попить.

– Вас? Пить пиво? И как оно? – озадачился Кораблев.

– Никак. Бежала рысью и от пива, и от того, кто пригласил, – вздохнула она. – Хотя, наверное, имело смысл задержаться, чтобы посмотреть, что будет дальше.

– Скажете тоже. Вы не такая.

– А какая? – вдруг встрепенулась Надя и тут же поежилась. – Лично я уже ничего не понимаю. Рассказывайте, что вам удалось узнать.

– В общем и целом, – капитан достал телефон и показал ей несколько снимков, – это с места преступления.

Надя приблизила к себе экран и увидела лежавшую на

заднем сиденье красного «БМВ» женщину. Ее ноги торчали наружу, и Надю передернуло от вида неприлично задранного платья, тоненьких ремешков от босоножек вокруг лодыжек и раскинутых ляжек. Лицо Тураевой было скрыто длинными светлыми волосами, руки безвольно лежали вдоль тела. Через несколько кадров появились скрины переписки. Надя жадно вчиталась в строки, а затем растерянно посмотрела на Кораблева.

– И это все?

Тот склонился над экраном, прокрутил кадры в обратном порядке и уставился на нее.

– Все.

– Но здесь только три смс. Вот, видите: «Встреча в силе?», «Срочно приходи!» и «Могу сегодня!».

– Ага.

– Подожди, но получается, что это как бы вовсе и не любовная переписка?

– А кто говорил про любовную переписку? – нахмурил брови Кораблев.

– Нет-нет, я просто подумала, что обвинение строится на том, что у них была связь... – окончательно смутилась Надя.

– А, нет, это не здесь. Сейчас! – Кораблев выхватил из ее рук телефон и отмотал несколько кадров. – Где же это... Вот, с протокола осмотра снял. Она мужу отправила сообщение незадолго до смерти. Я бы даже сказал, – понизил голос Денис, – что в момент смерти. Но точнее скажут эксперты, ра-

зумеется.

Надя побледнела, но собралась с силами и прочла вслух:
– «Ржевский. Он убьет меня».

Подняв глаза на Кораблева, она облизала в миг пересохшие губы. Кораблев вздохнул:

– Как-то так... Это уже больше похоже на обвинение, вам не кажется? Ежу понятно, что потерпевшая указывает на Ржевского. И даже написала об этом мужу.

– Ежу, может, и понятно, а мне не очень... – Надя судорожно потерла лоб. – Как же... А время смерти уже установили?

– Предварительно – с восьми до двенадцати часов вечера. Шел дождь. Она всю ночь пролежала в открытом салоне авто. А по ночам сейчас уже прохладно. Ну вы в курсе...

– Да, – задумчиво произнесла она. – А чем ее задушили?

– Выясняют. Отпечатков не нашли. Кстати, по месту работы Павла Ржевского уже выехал следователь с бригадой.

– О боже, – Надя закрыла лицо руками, представляя, что начнется, когда выяснится, что ни в какую командировку Ржевский не ездил.

– А что Тураев? – спросила она. – Ты видел его в прокуратуре?

– Видел. И слышал. Он после ресторана опять туда приехал. Заявил, что, если убийцу не найдут, он нас всех на кол посадит. Фигурально выражаясь, – пожал плечами Кораблев. – У него связи, деньги.

Чарушина скептически покачала головой – Ржевский ведь тоже не последний человек в городе.

– Надежда Николаевна, я понимаю, что вам все это крайне неприятно. Даже не знаю, что бы я на вашем месте думал. Вот если бы ваш жених сам явился и рассказал, как было дело, тогда было бы проще. Вот где он сейчас, как вы думаете?

Надя подошла к забору. Глядя на пустынный переулок, она попыталась сосредоточиться на том, что скажет следователю. Если бы Павел пришел сразу к ней и рассказал о том, что произошло, она бы объяснила ему, что прятаться нельзя, и что нужно нести ответственность за свои поступки. Впрочем, странно было бы все это объяснять взрослому человеку...

У Кораблева зазвонил телефон. Чарушина обернулась и теперь следила за лицом капитана, гадая, что это мог быть за звонок. Через минуту Денис вытянул руку и подозвал ее к себе.

– Что? – спросила Надя, как только он отключился.

– А то, что появилась информация! Ваш Ржевский был сегодня в городе, таксист высадил его за квартал от дома.

«Скорее всего, в «Герде» его тоже вспомнят...» – вздрогнула Надя.

Почему Павел так глупо поступил, перед тем как спрятаться? Находился в эйфории от того, что сделал, и только потом осознал, чем это ему грозит?

– Денис, пожалуйста, скиньте мне эти фотографии на по-

чту. Я сейчас пойду к следователю, а потом... — она задумалась.

— А потом? — эхом отозвался Кораблев.

— А потом мы еще раз встретимся, — пробормотала Надя.

Она видела, что при этих ее словах глаза Кораблева загорелись, и сам он подтянулся и чуть подался к ней. Ей показалось, что этот милый мальчик принял ее предложение за нечто большее, и Надя не стала разубеждать его. В конце концов другого варианта, чтобы раздобыть информацию у нее не было. Да и не собиралась она пользоваться племянником Рура втихую, не ставя его дядю-адвоката в известность. Привычка согласовывать свои действия была еще очень сильна, а Надя очень боялась ошибиться.

Стихи закончились,

Осталась проза жизни.

Где выбор есть, там места нет слезам.

В кабинете следователя Надя осторожно присела на краешек стула, обвела глазами обстановку и поморщилась от едкого, въевшегося в стены табачного запаха. Следователь – невзрачный, дерганный, остро пахнувший потом и несвежим дыханием, уже пару минут смотрел на нее сквозь стекла очков и барабанил пальцами по ручке крутящегося кресла.

– Так-так... Надежда Николаевна Чарушина, – он сверился с записью в ее паспорте, а затем пролистнул несколько страничек туда и обратно. – Прописка местная. Не замужем?

– Там же все написано, – Надя вздохнула и стала изучать засохшее, сомнительного происхождения пятно на полу.

Еще минута прошла в обоюдном молчании, нарушаемом шагами в коридоре, хлопаньем дверей и ровным гудением компьютерного процессора.

– Что вас связывает с гражданином Ржевским? – спросил следователь, и кресло под ним надсадно заскрипело.

– С гражданином Ржевским меня связывает... – Надя на секунду прикусила кончик языка и перевела взгляд с пятна на отпечаток чьей-то ноги на пыльном подоконнике, – гражданский брак.

– О как! – следователь поднес ее паспорт к лицу и постучал корочками по своему рыхлому, в красных прожилках носу. – Сожительство, значит.

– Эм... Ага, – Надя проследила за его действиями и чуть поморщилась. Ей показалось, что следователь не только обнюхал документ, но и был готов попробовать его на зуб. Однако она сделала вид, что в этом нет ничего предосудительного, и, поправив волосы, продолжила смотреть на него глазами плененной лани. – А что случилось? Мне ничего не сказали, когда вызывали к вам.

Следователь пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Когда вы видели Павла Ржевского в последний раз?

– Ой, – Надя закатила глаза. – Дайте-ка подумать... Три дня назад? – Она намотала на палец прядь волос. – Он должен был вернуться сегодня ночью, но...

– Но?

– Но не вернулся, – выдохнула она и отвела взгляд.

– Он звонил вам?

– Нет... – Надя похлопала ресницами. – А что, собственно...

– Вы живете в его квартире, – прищурился следователь.

– Ну как живу... – смущенно покраснела она и повела плечами.

– И как?

– Хорошо, – совершенно искренне ответила Надя.

– Ключи у вас есть?

– Да, – Надя подумала, что в любом случае кто-нибудь из соседей это подтвердит. – Я не понимаю, чего вы хотите от меня! Говорю же, я ничего не знаю! – продолжила с обидой в голосе, но осеклась, наткнувшись на тяжелый мужской взгляд.

– Вы ведь, кажется, юрист по образованию, Надежда Николаевна? Тогда должны понимать, что ваше вранье – дело уголовно наказуемое. А если вы плохо учились, то я могу вам Уголовный Кодекс дать, чтобы освежить память.

– Не надо, – помотала головой Надя. – Я расскажу все, что знаю. Дело в том, что когда я пришла домой, то сразу легла спать. Чувствовала себя ужасно. Крепко выпила, – застенчиво пояснила она. – И как-то все перед глазами поплыло, знаете ли...

– И с кем вы пили? – недоверчиво спросил следователь.

– А можно как-то без имен? – Надя крепко сжала колени и сложила поверх них руки. – Нет? Ну тогда ладно... Я пила с Денисом Кораблевым. Он, кажется, у вас здесь работает.

Лицо следователя заметно вытянулось. Он хмыкнул и что-то записал на листке.

– Что было дальше? – с неподдельным интересом спросил он.

– Ничего, клянусь! Я поднялась в квартиру Ржевского и легла спать. Просто вырубилась! – воскликнула Надя, подтверждая свои слова резким движением ладони. – Представляете, даже ключи в машине оставила. Этот Денис такой ве-

сельчак, скажу я вам! Мы и в ресторан сегодня утром ходили, – как бы, между прочим, поведала она. – И не смотрите на меня так! Пили всего лишь кофе.

Брови следователя приподнялись надо лбом да так и остались там на все время Надиного монолога. Было похоже, что он уже составил о ней мнение как о взбалмошной вертихвостке, во что она и сама сейчас очень даже верила.

– Вы мне только скажите, что случилось? – она сложила руки в молитвенном жесте.

– Павел Ржевский разыскивается в связи с подозрением в... – следователь скривился, словно у него внезапно разболелся зуб. – Статья сто пятая, если вы понимаете, о чем я.

Надя ахнула и прикрыла рот обеими руками.

– Боже мой... – прошептала она. – Боже мой... А кто?.. Кого?..

– Погибла гражданка Тураева. Между прочим, супруга влиятельного человека.

– О... – Надя почувствовала, что сердце ее раздулось, будто мыльный пузырь, и вот-вот лопнет от любого неосторожного движения. – Но как это произошло? И при чем здесь Ржевский? Вы что же, действительно подозреваете его?..

– Пока идет следствие, я не могу делиться с вами подробностями дела. И вас попрошу особо не распространяться об этом. Сами понимаете, к чему это может привести.

– Да кому я могу... – прошептала Надя.

– Н-да, вот так-то. В общем, Надежда Николаевна, мы с

вами не прощаемся. Так сказать, будем плотно работать.

– Угу, – она шмыгнула носом и поскребла носком туфли пятно на полу.

– Надеюсь, вы не станете мешать следствию и будете следовать букве закона? – следователь склонился к ней через стол.

– Разумеется, нет! То есть, конечно, буду! Следовать букве закона... – Надя шарахнулась от него, едва не упав со стула. – Какой кошмар! Сегодня же заберу свои вещи из его квартиры!

– Ну, может, не стоит торопиться, – смягчился следователь. – Вы могли бы оставаться там, пока...

– Пока... А! Вы хотите, чтобы, в случае чего, я сообщила вам, не появился ли Павел? – лицо Нади в этот момент выражало крайнюю степень внутренней борьбы и священного ужаса.

– Отличная идея, Надежда Николаевна, – меж бровей следователя прорезалась глубокая морщина, и Надя поймала себя на мысли, что еще парочка таких эмоциональных всплесков, и роль глупенькой девушки она может бездарно провалить.

– Но это же опасно! – тут же испуганно возразила она. – А вдруг он придет и тоже убьет меня? Вот если бы вы дали мне охрану, тогда я бы...

– Полноте, Надежда Николаевна, поверьте, все под контролем, – процедил следователь сквозь зубы. – Ладно, вы

свободны. – Он развел сероватые тонкие губы в улыбке, обнажив прокуренные зубы. – Будем на связи.

– Вы запишете мой телефон?

– У нас есть все ваши данные, – следователь протянул ей паспорт. – До свидания. Как только вы понадобится, вас пригласят.

– Я все поняла, – Надя поднялась со стула и попятилась к дверям, кивая, словно китайский болванчик. – Ужас какой... Спасибо вам огромное!

В коридоре она прижалась к стене, чтобы прийти в себя и не мешать проходящим мимо сотрудникам и визитерам. Через несколько метров от нее открылась дверь, и из нее вышел Кораблев с двумя коллегами. Что-то громко обсуждая, они уходили по коридору, но Надя, спохватившись, громко окликнула капитана:

– Денис!

Кораблев обернулся и, выпучив глаза, остановился. Его друзья, прервав разговор, тоже воззрились на Надю. словно мальчишки из средней школы, они скалили зубы и толкали Кораблева плечами, пока тот, красный как рак, не направился к ней. Но Надя опередила его и так, чтобы все слышали, заявила:

– Привет! А я вот на допрос приходила... Никогда не думала, что попаду в такую ситуацию. Если бы не ты, не знаю, как бы справилась! Все время думаю про наше утро...

– К-какое утро? – пробормотал Кораблев, озираясь.

– Наше утро, – вполголоса повторила Надя, поправляя воротничок на его рубашке.

Коллеги капитана свистнули в унисон, и тогда он, схватив ее под локоть, потащил к окну, где сейчас никого не было.

– Надежда Николаевна, вы что такое делаете? – Все же поймут, что мы знакомы!

– Да, так и есть, – Надя приподнялась на цыпочках к его уху. – Мне пришлось сказать следователю о том, что мы пили вчера вечером вместе, а утром ходили на кофе. Да нас и так уже видели. Половиков и Тураев, если вы не забыли.

Дверь кабинета следователя открылась, и сам он показался на пороге, перебирая в руках связку ключей. Заперев кабинет, следователь посмотрел на них, но взгляд его был совершенно не читаем из-за солнечных бликов на стеклах очков.

Надя улыбнулась и прильнула к Кораблеву, прячась за его неширокой грудью.

– Уж лучше я буду выглядеть как вертихвостка – она мило улыбнулась, – лишь бы он поверил. Все время боюсь сказать что-нибудь лишнее.

– А сделать что-нибудь лишнее не боитесь? – возразил Кораблев и осторожно обхватил ее за талию.

Когда следователь отправился восвояси, Надя отцепилась от Кораблева и хлопнула того по рукам, уже сползающим на ее бедра.

– Ай! Надежда Николаевна! За что? Вы понимаете, что

ставите меня в крайне неудобное положение? Ну, то есть, мне, конечно, удобно, приятно и все такое, но вы же на самом деле не хотите, чтобы я...

– Господи, Денис, разумеется, нет. Мне нужно, чтобы вы сделали вид, будто между нами что-то есть, и тогда...

– И тогда пойдут слухи! И что скажет ваш Ржевский в таком случае?

Надя удрученно посмотрела в окно. Погода изменилась, солнце светило вовсю, и, кажется, лето опять вошло в свои права.

– Если бы я знала, где он, и что с ним... Понимаете, Денис, я, конечно же, не верю, что это сделал Павел, – она тяжело вздохнула. – Но если это так, то хочу узнать об этом первая. Мне необходимо понять, где я сделала ошибку, приняв его совсем за другого человека.

– И поэтому делаете все, чтобы помешать мне? Как, по-вашему, я теперь смогу говорить об этом деле со своими коллегами?

– Наоборот, хочу, чтобы все думали, что я испугалась того, что произошло, и сейчас ищу замену Ржевскому.

– А я что, похож на альтернативу вашего жениха?! – скривился Кораблев и пригладил рыжий бобрик волос.

– Вы замечательный, Денис! – Надя перевела на него печальный взгляд. – Я вот только сейчас подумала о том, что у вас наверняка есть девушка, а я тут со своими выкрутасами лезу.

– Нет у меня никого. – Уши Кораблева стали пунцовыми.

– Я обещаю, что не буду третировать вас своим вниманием! Мне просто нужно время, чтобы разобраться во всем самой.

– Ну вы даете, Надежда Николаевна! – протянул Кораблев. – Следствие идет вообще-то!

– Следствие, – горько усмехнулась Надя. – Не мне вам объяснять, как можно все перевернуть. Я же не собираюсь что-то выслеживать или требовать, чтобы вы выкрали для меня протоколы допросов! Но если вдруг что-нибудь, случайно, – она с надеждой посмотрела на Кораблева, – окажется в поле вашего зрения... Или вы сами сможете как-то... Ну...

Денис задумался и почесал затылок.

– Ладно...

Надя вложила ладошку в его руку:

– А как насчет поездки в Кукушкино? В силе?

– В силе, – он кивнул. – Поверьте, я с вами, Надежда Николаевна, куда угодно...

– Денис, – шикнула она на него, когда он сжал ее руку несколько сильнее, чем требовалось.

– В том смысле, что вы опять чего-нибудь начудите, а нам с дядей потом разгребай, – хмыкнул Кораблев, но глаза его при этом стали грустными.

На улице Надя позвонила Руру.

– Томас Георгиевич, вы ведь позволите мне взять еще пару дней? Я только что была в прокуратуре и сказала, что не общалась с Ржевским уже трое суток. Это чистая правда. А сейчас я хочу забрать свои вещи из нашей... его квартиры. Думаю, так будет лучше. Где бы он ни был, будет лучше, если я перееду к родителям. Не хочу маячить перед соседями и отвечать на разные вопросы. К слушанию по делу я готова, все запросы отправила по инстанциям. Да, конечно, буду на связи.

Вернувшись в квартиру, первым делом Надя кинулась к рабочему столу Ржевского. Ящики были заперты, чему раньше она не придавала значения. У нее хватало ума не лезть в его дела и, по всей видимости, начисто отсутствовало любопытство.

«О нет, это все моя доверчивость!» – кипятилась она.

Надя метнулась в ванную и достала из косметички шпильку. Покрутив, загнула тонкий кончик и вставила его в гнездо замка. Через несколько минут пыхтения, стоявшего ей содранного лака на ногте указательного пальца, замок поддался. Она стала просматривать бумаги, лежавшие в строгих кожаных папках. В основном это были распечатанные рабочие договора и предложения по рекламе. На дне ящика нашла

несколько писем из банка, от вида которых у нее похолодела спина и опустились плечи. Надя поочередно доставала послания и внимательно прочитывала каждое до самого конца.

Половиков оказался прав – у Ржевского были большие долги, и даже апартаменты, в которых они жили, находились в залоге у банка. Надя забыла, как дышать, вглядевшись в один из печатных текстов – домик в Крыму, в котором сейчас жила ее мать, также оплатил Павел.

– Да что же это такое происходит?.. – Надя опустилась на пол и смяла хрустящий лист. Но уже в следующий момент она бросилась к сумке, достала телефон и набрала номер матери. Та долго не брала трубку, и когда раздался ее голос, Чарушина едва нашла подходящий тон, чтобы не напугать ее.

– Мамулечка, ты гуляешь? Прости, что отвлекаю. Я вот сейчас тут подумала, а документы на дом у тебя точно в порядке? Разумеется, я видела договор владения. Но скажи, пожалуйста, деньги на покупку дома ты каким образом передавала? – Надя нашла ручку и приготовилась записывать, но в трубке воцарилась тишина. – Мама? Почему ты молчишь? Что Павел? А как же... Но почему... О боже... – она снова посмотрела на бумагу. – Мама, как ты могла? Это уже вообще ни в какие ворота не лезет! Все, сейчас я не хочу об этом говорить. Нет, у меня все хорошо! Пока!

Надя не знала, как реагировать на то, что услышала от матери: Ржевский купил дом и подарил его Ольге Аркадьевне. Такой широкий жест, разумеется, был бы Наде приятен, ес-

ли бы она сама попросила его об этом или хотя бы была в курсе. Но Павел даже не заикнулся о том, что планировал, словно заранее знал, что она будет не против, согласится и воспримет это как должное.

– Какая наглость делать подобные подарки без спросу! – проговорила она и тут же вспыхнула от охватившей ее досады: «За кого ты меня принимаешь, Ржевский?!»

Внезапно перед ней открылись вещи, которые она до этого просто не замечала. Или замечала, но трактовала совсем не так, как они того заслуживали.

Что она знала о своем женихе? То, что он хорош собой и перспективен, нравился ее матери и был одобрен ее отцом. Получается, этого было достаточно для того, чтобы влюбиться? Почему ей в голову ни разу не пришло поинтересоваться, чем он живет и что у него в профессиональном плане? Финансовые и рабочие проблемы есть у всех, но Павел никогда не делился ими, замалчивал и всегда говорил, что...

– Что у него все хорошо...

Оглядываясь назад, в самое начало их отношений, Надя вдруг ощутила пустоту. Это не было связано с эмоциями и чувствами. Их-то как раз было предостаточно. Но вот с остальным... Благополучная девочка из интеллигентной семьи, что она могла знать о том, как Ржевский, рано оставшись без родителей, добивался успеха? Через что прошел и чем жертвовал ради того, чтобы о нем заговорили, чтобы его агентство стало одним из лучших в городе? По сути, она

пользовалась Павлом и совершенно не задумывалась о том, что может когда-нибудь потерять его. И сейчас, когда произошло несчастье, переживает, как оно скажется на ее жизни и карьере. Разве это любовь?

– Но я же любила его! – всхлипнула Надя. – И люблю...

И Ржевский любил ее, иначе бы не пекся о ее благополучии. Но что-то произошло, изменило привычный жизненный уклад, и Павел оказался втянут в немыслимое, жуткое преступление. А она, поглощенная своей вялотекущей карьерой, чужими разводами, переживаниями и обоюдными клиентскими претензиями, радовалась, что каждый день и каждая ночь наполнены чувственной и благополучной любовью... Что она сама давала Ржевскому, если уж быть до конца честной? Секс? Это не та вещь, которую Ржевский должен был бы выпрашивать. Деньги? Смешно – Надина зарплата младшего адвоката не шла ни в какое сравнение с доходами Ржевского. Получается, и с расходами тоже...

Он живо интересовался ее работой, давал советы, разъяснял житейские моменты, характеры людей, ведь его опыт был настоящим, непридуманным и не вычитанным из книжек. Но делал это аккуратно, чтобы не обидеть ее. Так какой же монетой она платит за это?

– Ржевский, кажется, я совсем не знала тебя, – произнесла Надя, вставая с пола.

В рекламное агентство она поехала сразу, как только сложила бумаги и проверила сейф. Если полицейские решат

провести обыск в квартире Ржевского, она все равно не сможет им помешать. К тому же Надя не имела ни малейшего представления о том, что они будут искать, и что в конечном итоге окажется той самой бомбой, которая разрушит жизнь Павла окончательно и бесповоротно. Ему бы следовало подумать об этом раньше или, хотя бы, предупредить ее, свою женщину...

Детище Ржевского – рекламное агентство «Рожь» занимало первый этаж старинного купеческого особняка на тихой улочке рядом с городским парком. Удобная парковка, кленовая аллея, куполообразная беседка и парочка чугунных львов на входе – все это было так в духе Павла, что невольно думалось, будто и сам Ржевский – потомок канувшего в Лету дворянского рода. Надя не удержалась и погладила голову одного из львов. Подобное действие, кажется, совершал каждый посетитель – отполированная львиная макушка блестела, словно серебро.

Половицы скрипнули под ее ногами, в нос ударил запах хлорки. Ведро со шваброй стояло рядом с дверью, и Надя удрученно поморщилась, разглядывая истертый и кое-где вздыбленный старинный паркет. В холле было пусто, но в здании определенно находились люди. Откуда-то слышались голоса, спорившие и перебивавшие друг друга. Она прямоком направилась к офису Ржевского. Надя была здесь всего несколько раз – забегала ненадолго, чтобы потом вместе с Павлом пойти в кино или на прогулку.

За высокой деревянной дверью творилось нечто невообразимое. Надя остановилась, прислушиваясь к крикам:

– Вы как хотите, а я увольняюсь! Не хватало еще на уголовника работать!

– Да с чего ты решила, что наш Ржевский уголовник, Аня?!

– А с того, что к приличным людям с обыском не приходят! И кому, как не тебе, Шура, об этом знать!

– Что за бред ты несешь?!

– Ха-ха! Да то, что всем известно: Пашка взял тебя из жалости! Никто не хотел тебя брать, потому что у тебя статья!

– Какая же ты, Аня... какашка!

Надя подскочила на месте от хлесткого и в то же время смешного выражения.

– Сам ты, Шура, какашка!

– Ребята, ну хватит уже! – вступил третий – басовитый мужской голос. – Шура, это неприлично, в конце концов! Аня, ты же девочка!

– А чего эта девочка меня носом тычет?! Это еще по малолетке было! Попал в дурную компанию, молодой был, вляпался! Сто лет прошло!

– Вот и я в вашу уголовную компанию попала как курица в ошип! – взвизгнула Аня.

– Прекратите! – пресек вопли басовитый. – Надо собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

– Валить отсюда надо, пока нас всех не накрыло! – не уни-

малась Аня.

– Мне кажется, Анечка Феликсовна, вас вполне устраивало плыть на волнах светской жизни! – услышала Надя приятный девичий голосок.

– Ха! Вот и оставайтесь! Плывите дальше! Не захлебнитесь только!

Раздался громкий топот. Дверь распахнулась, едва не ударив Надю по носу.

Рыжеволосая дама с красным лицом и грудой разноцветных цепочек и бус на полной шее бросила на нее яростный взгляд и промчалась мимо, обдав волной удушливого аромата восточных масел.

– Аня, ты куда?! Ты же наш бухгалтер, как мы без тебя? – следом за ней выскочил долговязый, похожий на кузнечика очкарик в клетчатой рубашке с криво застегнутыми пуговицами и всклокоченной реденькой бородкой.

– Шурик, вернись! Оставь ее, пусть выбесится! – донесся вслед девичий звонкий голосок.

Надя посторонилась, вжимаясь в стену. Через пару секунд в холле грохнуло ведро, затем упала швабра и, наконец, хлопнула входная дверь. Над головой качнулась лампочка, а в офисе «Ржи» воцарилась тишина.

Надя заглянула внутрь.

– Здравствуйте, – кивнула она, приветствуя оставшихся. – Меня зовут Надежда Чарушина, и я...

– Что вы хотите? Сегодня мы не работаем. Приходите зав-

тра! Или вообще, не знаю когда. Лучше звоните, – грузный мужчина в свитере вытер огромным носовым платком недовольное лицо и с подозрением уставился на Надю.

– Стойте, не уходите! – стройная скуластая девушка с длинными черными волосами спрыгнула с крышки стола и широко улыбнулась. Улыбка у нее была замечательная, и даже кривой верхний клык ее не портил, придавая какой-то разбойничьей удали. К тому же в носу брюнетки поблескивал пирсинг, что делало это сходство еще ярче.

– Меня зовут Надежда, – растерянно повторила Чарушина.

– Я знаю, кто вы, – девушка подошла ближе и стала с интересом разглядывать Надю.

Чарушиной этот взгляд не понравился – уж слишком он был пристальным, изучающим, женским. Так глядят те, кто готовится стать соперницей или же понимает, что занять желанное место просто не получится. Подобные вещи чувствуешь на уровне инстинкта, будто что-то щелкает внутри и шепчет на ухо: «опасность!»

– Пойдемте со мной, – хмыкнула девушка и, не дожидаясь Надиного ответа, повернулась к ней спиной.

Надя не стала сопротивляться. В конце концов, разве не за этим она пришла сюда?

Раньше, когда она забегала к Ржевскому, в офисе уже никого не было, и она, увлеченная близостью любимого мужчины, не особо разглядывала рабочее пространство, вполне

довольствуюсь уютным кабинетом Павла.

Теперь же Надя успела выцепить глазами рабочие столы, заваленные проектами, стоявшие во всех углах штендеры*, пробковые доски, увешанные цветными карточками, и специально оборудованное место с белыми бумажными стенами для фотосъемки.

В кабинете было светло и... пахло Ржевским. Надя втянула воздух, уловив в нем аромат его парфюма, кофе и шоколадных сигарилл.

– Как вас зовут? – спросила она девушку, когда та оперлась о стол и уставилась на нее своими раскосыми глазами.

– Зая, – представилась та.

– Зая? – приподняла брови Надя, окатив ее ледяным взглядом.

– Зая. А там, – девушка указала пальцем в сторону двери, – Потапов, наш фотограф. Шурик и Аня вернутся завтра. Остынут и вернутся.

– Зая... – протянула Чарушина, попробовав еще раз прозвище на вкус. Она не любила цирк и терпеть не могла зоопарки. И теперь, судя по всему, прямиком угодила в один из них.

Девушка беззастенчиво разглядывала Надю с ног до головы. На губах ее играла загадочная улыбка. Выдержав паузу, она наконец сказала:

– Церен.

Незнакомое слово соскочило с ее языка, будто серебря-

ная монетка, и продолжало звенеть в ее ушах еще несколько мгновений.

– Что? – У Нади зачесались глаза, а следом и уши – верный признак того, что она явно что-то упускает и недопонимает.

– Ясно, – вздохнула девушка. – Павел вам ничего обо мне не рассказывал...

Теперь у Нади зачесалось и заскреблось где-то в районе желудка. Девушка, подскочив, уселась на край стола и снова широко улыбнулась. Некоторым людям свойственно улыбаться в самый неподходящий момент, даже когда собеседник явно не расположен к веселью.

– Я секретарь Ржевского, Заяна Церен.

– Ах вот оно что... – выдохнула Надя. – Имя у вас, конечно... Необычное.

– Да ладно, – отмахнулась девушка. – Это вы еще моего отчества не знаете, – хихикнула она и нараспев произнесла: – Улюмджиевна. Я калмычка. Так что зовите просто Заей. Меня здесь все так называют.

– Ну не знаю, – Надя поморщилась. – Попробую.

Она боялась услышать несколько другие откровения и внутренне уже готовилась к еще одному потрясению. Если бы секретарша заявила вдруг, что является любовницей Павла, то неизвестно еще, как бы она это переварила...

– А я вас сразу узнала, – Зая перегнулась через стол и развернула серебристую рамку, в которую была вставлена Надина фотография, сделанная в Италии.

Ржевский снял ее на фоне Миланского собора, и Надя выглядела восхитительно в лучах ломбардского солнца – загорелая, немножко пьяная и очень счастливая.

– К нам сегодня из полиции приходили, – Зая покрутила серебряное колечко в носу. – Спрашивали о Ржевском. Что и как...

– И что? Как? – Надя прошла по кабинету, подмечая знакомые вещи и следы присутствия чужих людей.

– Они только по верхам смотрели. Вы ничего такого не подумайте, постановление было. Я его сама читала.

– Скажите, Зая, – обернулась Надя, – насколько я знаю, Павел должен был быть в командировке...

– Он там был, – пожав плечами, заявила секретарша.

– Вы уверены? – с сомнением в голосе переспросила Надя.

– Конечно! Когда Павел Александрович что-то говорит, я ему всегда верю. А вы? Разве нет?

Штендер* – переносная конструкция, которую устанавливают на улице, рядом с компанией-рекламодателем.

Надя ошеломленно застыла, раздумывая над ее словами, а затем спросила:

– А вы случайно не в курсе, менял ли он обратные билеты?

Зая пожала плечами и поставила рамку на место, повернув ее к стене лицом.

– Все может быть, я не в курсе. И вообще, у меня нет привычки обсуждать решения Павла Александровича, – заявила она как нечто само собой разумеющееся. – Вы же знаете, какой он занятой человек, и сколько вопросов ему приходится решать каждый день.

Надя знала. Закусив нижнюю губу, она посмотрела в окно – клены шумели, и в лучах августовского солнца первые желто-красные резные листья смотрелись как дорогое украшение на темно-зеленом кафтане.

– Сколько вам лет? – не выдержав, спросила она Заю. В том, что одна женщина интересуется возрастом другой, кроется момент истины, говорила ее мать. Наде же казалось, что вопрос ее был задан только потому, что Зая производила впечатление довольно сообразительной, хоть и совсем юной девушки.

– Девятнадцать. Я полиграфический колледж окончила, – важно заявила Зая. – И сразу в рекламное агентство попала. Представляете, как повезло?

Надя опустилась в кресло Ржевского, и Зае пришлось слезть со стола.

"Интересно, – подумала Надя, – откуда у секретарши Ржевского привычка седлать любую поверхность, которая появляется в поле ее зрения? Неужели генетика? Бескрайние степи, табуны, юрты..."

– А чем занимаются ваши родители, если не секрет? – спросила она.

Зая прикусила нижнюю губу, а затем сказала:

– А почему вас это интересует? Наверное, думаете, что они пасут скот в степях? – Девушка оперлась руками о столешницу и перенесла корпус вперед, сокращая расстояние между ними.

– Вовсе нет, просто... – Надя с трудом удержалась, чтобы не цокнуть языком – Зая будто прочла ее мысли. – Ничего не знаю о калмыках.

– Да ладно, я привыкла, – отмахнулась секретарша. – Мой народ пришел из Монголии 400 лет назад. И теперь все вокруг удивляются – как, значит вы монголы? Вы же калмыки? А мы объясняем – калмыки! Но вообще-то монголы...

Ее лицо оказалось очень близко, и Чарушина восхитилась ее гладкой смуглой кожей. Такой цвет в солярии не получишь. Это степной ветер, солнце и кумыс – многовековое влияние генов и природы.

– Не обижайтесь, – сдержав завистливый вздох, сказала Надя. – У меня такое странное чувство, будто я что-то упус-

каю. А ведь я адвокат и должна обращать внимание на детали.

– Павел Александрович говорил, что вы очень увлечены своей работой, – с кислой полуулыбкой заметила Зая.

Надя вновь посмотрела в окно. Ей вдруг подумалось, что она никогда вот так запросто не делилась чем-то личным ни с кем, кроме Павла. Конечно, у нее были институтские приятельницы, но, когда появился он, необходимость в подобном общении резко пошла на убыль. К тому же ее окружали коллеги, с которыми было гораздо интереснее обсуждать текущие дела и разные процессуальные тонкости, чем собственную жизнь и, тем более, отношения. А вот Павел, оказывается, был не против того, чтобы обсудить ее жизнь с кем-то. И это ощутимо напрягало.

Зазвонил телефон. Сняв трубку, Зая ответила:

– Рекламное агентство «Рожь». Добрый день! Да, правки внесены. В течение получаса отправлю на почту. Павел Александрович занят. Все передам. Всего доброго. – Положив трубку, она шмыгнула носом: – Звонят и звонят. Вы не подумайте, что я бесчувственная. Улыбаюсь, как будто ничего не произошло. Это выглядит странно, да?

Надя промолчала.

– Нам ничего толком не объяснили. Сунули постановление в нос и все. Мне кажется, что они не знали, что искать. – Зая опять подергала за колечко в носу. – Но вы-то знаете. Я же вижу, что знаете. Тогда почему молчите? Кто-то настучал

на нас в налоговую? Или Роспотребнадзор? Хотя, при чем здесь тогда прокуратура?

– Это недоразумение. Я уверена, что скоро все выяснится, – сдержанно заявила Чарушина.

– Понятно. А где же сам Ржевский? – Раскосые глаза Заи выражали неподдельное беспокойство.

– Я... я не знаю. – Кресло под Надей скрипнуло, когда она закинула ногу на ногу. – И как найти его, не представляю. Трубку не берет.

– Мы тоже звонили, – со вздохом кивнула Зая. – Он должен был дать распоряжения по поводу работы. Те заказы, которые уже выполнены, мы отдаем. Но вот как быть дальше... Потапов говорит, продолжать. Шурик ссыт, извините, а Анна Феликсовна включила пожарную сирену... ну вы видели. Я ее понимаю – она бухгалтер, первый человек после Ржевского. Я еще утром подумала, что нужно вам позвонить, когда не смогла связаться с Павлом Александровичем. А тут вы сами явились.

Надя откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела на Заю. Что-то в словах секретарши зацепило ее, но она еще не понимала, к чему клонит луноликая красавица.

– Знаете, как переводится мое имя? – внезапно спросила Зая. – Счастливая судьба. Вы будете смеяться, но я должна вам сказать, что Павел Александрович, он, – она воздела длинные тонкие руки к хай-тековской лампе у нее над головой. – Он...

Надю обдало холодной волной – только этого не хватало! Девушка, влюбленная в своего босса – что может быть тривиальнее и пошлее?

Зая опустила руки и подлила масла в огонь:

– Павел Александрович мог кого угодно найти на мою должность. Человека намного умнее, опытнее, и вообще... Но выбрал меня, – голос ее дрогнул. – Он такой... Необыкновенный! И я его очень...

Их с Надей взгляды пересеклись.

– Очень боюсь потерять, – упрямо тряхнула Зая волосами. – Мы так трудно притирались друг к другу, что я думала, он меня придушит или закопает!

Надя слушала ее и не шевелилась. У нее складывалось ощущение, что она сидит в первом ряду и смотрит театральную постановку. На сцене перед ней была молодая неопытная актриса Зая Церен, вот только от ее монолога у Нади сейчас приподнялись волосы на затылке.

– Что за бред... Придушит, закопает... Вы специально?! – Теперь ее бросило в жар. – Ржевский никогда бы...

– Во-о-от! – выставила указательный палец Зая. – А у вас такое лицо, будто вы верите, что Павел Александрович может быть виновен в преступлении. Зачем приходили полицейские? Что они хотели найти? Какую-то гадость они решили повесить на нашего Ржевского?

– На *нашего* Ржевского, – Надя перевела дух, – хотят повесить... – Она никак не могла произнести страшные слова

вслух. Горло сжимало, а в груди саднило.

– Ну же, наран-царан!* – Зая ударила по столу кулаком. – Не ходите вокруг да около! Говорите!

– Убийство! – прошипела Чарушина и в сердцах пнула подставку для ног. – Его обвиняют в убийстве молодой женщины!

Секретарша Ржевского открыла рот и со всей силы дернула себя за пирсинг. Маленькое колечко осталось у нее в руке, и Зая, не глядя, пихнула его в задний карман джинсов.

– Ну и дела... Теперь я все понимаю. Но мне вы можете доверять! – Зая спешно оглянулась, затем быстро подошла к двери, распахнула ее резким движением и выглянула наружу. – Потапов, вы еще здесь?

Из глубины офиса послышалось недовольное ворчание. Надя не разобрала слов, но Зая ответила:

– Если захотите чаю или кофе, наливайте сами! Только воду в чайнике проверьте! – обернувшись к Чарушиной, она пояснила: – Потапов важный заказ доделывает, так что нам не помешает.

Надю передернуло от такого напора. Помешает чему?! В конце концов, она ничего не обещала этой девице.

– Итак, я готова слушать! – Зая оседлала стул и обхватила руками спинку.

– Ну, как бы... это я вас готова слушать, – раздраженно заметила Надя. – Начните с того, когда он вам звонил в последний раз.

– Да-да, я все вам расскажу, только и вы мне, ладно? Баш на баш! Кого убили? Где?

Надя набрала в грудь побольше воздуха и сосчитала до пяти.

– Погибшая была найдена недалеко от дачного поселка Кукушкино, – сказала она, откашлявшись. – Задущена этой ночью.

Зая, не отрываясь, смотрела на нее, и Надя видела, что даже столь короткое повествование произвело на нее сильное впечатление.

– А Ржевский? Он-то каким боком причастен к этому убийству? – спросила Церен.

Надя занервничала – все, что происходило сейчас в кабинете Павла, на ее взгляд, было неправильно. Если бы напротив нее сидел Рур, или Кораблев, она бы даже вела себя иначе, потому что обсуждать произошедшее с незнакомой девушкой, к тому же такой импульсивной и явно влюбленной в Ржевского, было по меньшей мере странно. Она и так была с ней чересчур откровенна.

Зая стала рыться среди цветных файлов и папок. Наконец вытащила чистый лист бумаги и карандаш. Поставив посреди него точку острозаточенным грифелем, она выжидающе посмотрела на Надю:

– Ну же, рассказывайте дальше!

Чарушина покачала головой: Зая не была похожа на человека с тонкой душевной организацией, и роль бессловесной

секретарши была точно не ее. Зачем Ржевский взял ее на работу? Ради головной боли? Или...

– Давайте каждый будет заниматься своим делом? – предложила она, пожалуй, слишком сухо, и встала. Взвесив все за и против, Надя решила не делиться с Заяной Церен своими проблемами. Причин было достаточно, и если бы она начала их перечислять, то... Начала бы с того, что, находясь рядом с черноволосой красавицей, она нервничает и постоянно рисует картины того, как та кружит вокруг ее Ржевского. А он улыбается ей и, возможно, ласково гладит руки...

Следующая фраза Заи заставила ее снова сесть.

– Павел Александрович ни за что бы не отменил эту поездку, если бы его не отвлекло что-то по-настоящему важное. Нам заказ пришел из Питера, из художественной галереи. Они заказали разработку, оформление и продвижение рекламной кампании, буклеты выставок и аукционов, представляете? Думаете, так просто обойти столичных рекламщиков? – Церен прищурилась и с вызовом посмотрела на Надю.

Чарушина помотала головой – нет, она так не думала.

– Это большой заказ. С очень сытным бюджетом и огромным жирным плюсом в резюме нашего агентства. Так что поверьте, Ржевский никогда бы не пошел против такой возможности заработать.

– Скажите, Зая, он вам звонил в эти дни? – Надя невольно напряглась, с трудом преодолевая чувство собственниче-

ства.

– Нет, но присылал на почту варианты договоров по разным вопросам. – Зая вдруг нахмурилась: – Я что-то совсем не о том! Женщину убили, полиция пришла к нам, потому что они думают, что ее убил Павел Александрович... Кто она вообще такая?

– Елизавета Тураева. Она жена...

– А... – протянула Зая. – Я в курсе, чья она жена.

– Вот как? – удивилась Надя. – Тураев ваш клиент?

– Нет-нет! – Острый кончик карандаша быстро нацарапал на белом листке инициалы «Е.Т.». Зая обвела запись и склонилась к Чарушиной. – Нашим клиентом Тураев не был.

– Тогда откуда вы...

– Вообще-то у нас есть специальная база, – Зая понизила голос, – в которую мы заносим данные потенциальных клиентов. Знаете, удобно заранее изучить финансовые возможности в случае чего. Ну и вообще... Много всего интересного можно найти. Так вот...

– Хорошая идея, – заметила Чарушина, скептически поджав губы.

– Мы придумали это вместе с Павлом Александровичем, – гордо заявила Зая.

– Хорошая, если бы не противоречила закону. Статья 137 УК РСФСР, не слышали? Нет? Нарушение неприкосновенности частной жизни, незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющей

его личную или семейную тайну, и тэдэ, и тэпэ, – уголовно наказуемо, – продекламировала Надя.

Они с Засей некоторое время сверлили друг друга глазами. Первой не выдержала Чарушина – с шумом выпустив воздух, она спросила:

– И все это было на жестком диске Павла?! В его рабочем компьютере?

– Нет! На моем ноутбуке, – передернула плечами Зая. – Мне его Павел Александрович подарил в счет будущих побед, – лицо ее вновь озарилось восторженной улыбкой.

Определенно, это был вызов.

Надя разжала губы, старательно изображая радостное удивление.

«Терпеть это просто невыносимо, – подумала она. – Сейчас или никогда...»

– Все с вами ясно! Всего доброго, Зая. Очень жаль, что наше знакомство произошло при подобных обстоятельствах, – Надя бросила взгляд на листок в руках секретарши, досадливо подумав о том, а так ли много на самом деле знает эта мисс Калмыкия, и как далеко она могла зайти, чтобы привлечь внимание Ржевского.

– Как вы намерены поступить? – спросила Зая, не обращая внимания на Надину эскападу.

– Это мое личное дело, – мягко, но решительно заявила Надя и двинулась на выход.

Но когда она взялась за ручку двери, в спину ей прозвуч-

чало:

– Тот, кто любит по-настоящему, никогда не оставит того, кого любит.

Дверная ручка в ладони стала горячей, словно раскаленное железо.

– Это вы ВКонтакте цитат нахватались? Чего вы хотите, Зая?

– Я буду искать Павла Александровича.

«Я тоже... – подумала Надя. – И лучше бы тебе не путаться у меня под ногами!»

Наран-царан* – туда-сюда, вокруг да около (калмыцк.яз.)

*И потому так сладок мед
В устах любимого извечно.
Ты пьешь его из года в год,
Чтоб чувствовать себя безопасно...*

Надя вышла из особняка, испытывая странную истеричную веселость – ей одновременно хотелось и плакать, и хотеть во все горло. Удивительно, что она не занялась этим прямо в кабинете Ржевского под оценивающим взглядом его верной секретарши. Пожалуй, это было бы феерично.

– Да что же за день-то такой сегодня?! – подумала Надя вслух, когда на автомате прошла мимо своей машины и остановилась в нескольких метрах от нее.

Оглядевшись, она сунула руку в карман и нащупала телефон. Раньше она позвонила бы отцу, и он решил бы все, как делал всегда, чтобы Надя вновь ощутила себя в безопасности.

– Когда-то нужно взрослеть, – нахмурилась она, но тут же набрала уже знакомый номер. – Денис, это я. Можете приехать вечером на Ленина? Там кафе на выезде из города... Я буду вас ждать.

Прежде чем сесть в машину, Надя решила пройтись по кленовой аллее. Ей нужно было продышаться, успокоить нервы и смириться с тем, что есть не подвластные ей вещи.

Вероятно, в этот момент Зая наблюдала за ней в окно особнячка, и ее монгольские скулы рдели от удовольствия, что ей удалось пройтись катком по чувствам Нади.

Интересно, что бы на это сказал Ржевский, вот в чем вопрос.

— Глупо было думать, что живешь в сказке... — с досадой прошептала Надя.

Зая была права, и злиться на нее не имело никакого смысла. Давно следовало принять известный факт — мы действительно в ответе за тех, кого приручили. Ржевский каждый день доказывал ей свою любовь, а она черпала ее полной ложкой и позволяла себе кривить нос, когда передала ее с избытком.

Дом у моря, побрякушки, машина...

Надю передернуло — ладно, об этом позже. Как и о том, что она виновата перед Павлом. Ведь вместо того, чтобы встать за Ржевского грудью, она занимается непонятно чем — ревнует и бесится, словно оскорбленная дама в своем замке, пока ее не видит челядь.

— Да что это я на самом деле? Распустилась, разнюнилась, как маленькая девочка! — прошипела Надя и села в машину.

Не нужен ей никто для того, чтобы увидеть место преступления. И документы у нее всегда с собой. Даже если сотрудники полиции еще не уехали, она сможет придумать, как убедить их в том, что, как адвокат, имеет право там находиться.

Приехав в Кукушкино, Надя оставила машину около да-

чи. Светило солнце, но земля еще была влажной после ночного дождя, и сырые пятна темнели на досках деревянного крыльца.

Надя переоделась – натянула резиновые сапоги, плащ-дождевик защитного цвета, повязала голову косынкой на тот случай, если встретит в лесу соседей. Грибная пора была в самом разгаре, а Ржевский так редко бывал в Кукушкино, что никто из них толком и не видел его. Чарушина положила в корзинку пару полиэтиленовых пакетов, нож и бутылку с водой – так ее образ стал полностью законченным.

Путь ее лежал в направлении реки, а затем вдоль русла. Перед внутренним взором Нади находилась карта с обведенным кружком, показанная Кораблевым. Что ж, она была прекрасно осведомлена об этом месте – все лето на берегу собирались компании, и степень их веселости можно было с легкостью определить по громким крикам, песням и надоедливой музыке, разносящейся по округе. Когда Надя была маленькой, она удивлялась тому, что могла разобрать отдельные слова и фразы даже на большом расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.